

Р35011

оскин Колдуэлл

МАЛЬЧИК
из
ДЖОРДЖИИ

Огиз Гослитиздат

1965

ЭРСКИН КОЛДУЭЛЛ

МАЛЬЧИК
из
ДЖОРДЖИИ

Перевод с английского
Н. Волжиной и Ив. Кашкина

Послесловие
В. Смирнова

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1945

Erskine Caldwell

Georgia Boy

1943

КАК МОЙ СТАРИК ОБЗАВЕЛСЯ УПАКОВОЧНЫМ ПРЕССОМ

У переднего крыльца нашего дома раздался оглушительный грохот, будто кто-то вывалил нам груды камней на ступеньки. Дом так и тряхнуло от фундамента до крыши, а потом все сразу стихло. Мы с мамой были в это время на заднем крыльце и никак не могли понять, откуда такой шум. Мама испугалась, уж не начинается ли светопреставление, и велела мне быстрее крутить ручку стиральной машины, не то приключится нивесть что, и она не успеет отжать и развесить белье миссис Дадли.

— Я сбегая посмотрю, что там такое, — сказал я, изо всех сил крутя ручку. — Можно, ма? Можно мне посмотреть?

— Крути, крути, Вильям, — сказала она, мотая головой и запихивая в машину комбинезон мистера Дадли. — Там будь что будет, а белье я все-таки повешу.

Я что есть мочи вертел ручку, а сам прислуши-

вался. И вдруг услышал чей-то громкий голос у переднего крыльца, но слов разобрать не смог.

И как раз в эту минуту из-за угла дома выбежал мой старик.

— Моррис! Что случилось? — спросила мама.

— Где Хэнсом? — еле переводя дух, выговорил мой старик. — Куда Хэнсом девался?

Хэнсом Браун — это наш работник-негр, который живет у нас с тех пор, как я себя помню.

— Где же ему быть? На кухне, конечно, убирается, — сказала мама. — А зачем тебе Хэнсом понадобился?

— Я без Хэнсома не справлюсь, — сказал папа. — Мне его сейчас надо, сию минуту.

— Па, давай я тебе помогу, — сказал я, попятившись от машины. — Можно, па?

— Вильям! — сказала мама, хватая меня за локоть и подтаскивая к машине, — делай, что тебе велено! Крути ручку!

И как раз в эту минуту из-за кухонной двери показалась голова Хэнсома Брауна. Мой старик сразу его углядел.

— Хэнсом, — сказал папа, — бросай все и беги к переднему крыльцу. Ты мне нужен.

Хэнсом не сдвинулся с места и поглядел на маму, выжидая, как она отнесется к тому, что он бросит все свои дела на кухне. Но мама запихнула в машину старое ситцевое платье миссис Дадли и была так этим занята, что ничего ему не сказала. Мой старик схватил Хэнсома за рукав и стащил его вниз по ступенькам во двор. Мы и оглянуться не успели, как они оба скрылись за домом.

Мне очень хотелось пойти с ними, но взглянул на маму, и духу нехватает проситься во второй раз. Кручу ручку что есть мочи — лишь бы поскорее отжать белье.

Не прошло и нескольких минут, как мы услышали скрип двери, и потом в передней что-то грохнуло. Точь-в-точь будто крыша провалилась.

Мы с мамой бросились в дом, узнать, что там происходит. Вбегаем в переднюю и видим: мой старик и Хэнсом волочат огромный, тяжелый ящик, выкрашенный ярко-красной краской, как товарные вагоны, и с большим железным колесом на крышке. Он был не меньше старинного мелодеона и такой же дурацкий с виду. Хэнсом налег на эту махину, она пролезла в дверь и всей своей тяжестью села на пол гостиной, так что картины на стенах заходили ходуном. Мы с мамой тоже протиснулись в дверь одновременно с этим большим красным ящиком. Мой старик стал рядом с ним, поглаживая его рукой и тяжело переводя дух, точно собака, все утро гонявшаяся за кроликами.

— Моррис! Господи помилуй!—сказала мама, обходя ящик кругом и стараясь понять, что это за штука.

— Ну как, хороша вещьца? — спросил мой старик, отдуваясь после каждого слова. Он сел в качалку и с восхищением уставился на ящик. — Правда, хороша?

— Па, где ты его достал?—спросил я, но он был так занят, что не слышал меня.

Хэнсом ходил вокруг ящика и, заглядывая в щели, рассматривал, что там внутри.

— Подарили его тебе, что ли, Моррис? — спросила мама, отступив к стене, чтобы как следует разглядеть эту громадину. — Где ты такое раздобыл?

— Купил, — сказал папа. — Вот только что, несколько минут назад. Агент, который ими торгует, заехал сегодня утром к нам в город, и я с ним сторговался.

— Сколько же это стоит? — озабоченно спросила мама.

— Пятьдесят центов наличными, а остальное в рассрочку по пятидесяти центов в неделю.

— А на сколько недель рассрочка? — спросила мама.

— На целый год, — ответил он. — Это недорого. Есть о чем говорить — тьфу! Не успеешь оглянуться, год прошел. Мы и не заметим, как все будет выплачено.

— А что это такое? — спросила мама. — Для чего оно?

— Это упаковочный пресс, — ответил он. — Прессует бумагу. Кладешь в него побольше ненужной бумаги — ну, скажем, старые газеты или еще что-нибудь, потом завинчиваешь джотказа вот это колесо, и бумага выходит из-под низа готовой кипой, спрессованная и перевязанная проволокой. Замечательное изобретение.

— Мистер Моррис, а что вы будете с ней делать, когда она выйдет из-под низа? — спросил Хэнсом.

— Как что? Продавать, конечно, — сказал папа. — Тот же агент будет заезжать к нам раз в неделю и скупать ее у меня. Пятьдесят центов вычтет, а что сверх того — на руки.

— Вот здорово! — сказал Хэнсом. — И вправду замечательная штука!

— Где же ты наберешь столько бумаги? — спросила мама.

— Эка! — сказал мой старик. — Есть о чем думать! Ненужная бумага везде валяется. Старые газеты, да мало ли чего еще! Оберточная с покупок и та годится. Несет по улице ветром какой-нибудь обрывочек, и его туда же. Это золотое дно, а не машина.

Мама подошла к ящику поближе и заглянула

внутри. Потом крутнула разок колесо и направилась к двери.

— В гостиной ей не место, — сказала она. — Моррис Страуп, будьте любезны вытащить эту уродину из моей парадной комнаты.

Папа кинулся за ней.

— Подожди, Марта! Ведь лучше помещения не придумаешь! Что же ты хочешь? Чтобы я вытащил ее во двор — пусть гниет и ржавеет под открытым небом? Такую ценную машину!

— Убратъ немедленно, не то я велю Хэнсому взрубить ее на дрова, — сказала мамá, выходя во двор, и зашагала к заднему крыльцу.

Мой старик вернулся назад и долго смотрел на упаковочный пресс, проводя обеими руками по гладко выструганным доскам обшивки. Он стоял молча, а потом вдруг нагнулся и приподнял его. Я и Хэнсом взялись с другой стороны. Втроем мы вынесли его из гостиной на переднее крыльцо. Папа опустил свой конец ящика, и мы тоже.

— Ну, вот, — сказал папа. — Тут его и солнцем не будет палить и дождем не замочит.

Он взялся за большое колесо на крышке.

— Хэнсом, неси сюда всю ненужную бумагу со всего дома, — сказал папа, — сейчас и начнем.

Мы с Хэнсомом прошли по комнатам и собрали все, что нам попало на глаза. В одном чуланчике нашелся ворох старых газет; я вынес их оттуда, и папа затолкал все сразу в загрузочную воронку. Хэнсом раскопал где-то оберточную бумагу и вернулся с целой охапкой. Мой старик принял ее у Хэнсома и тоже запустил в машину.

— Оглянуться не успели, а набралась целая кипа, фунтов на сто, — сказал он. — А дальше будет чистая прибыль. Призадумайся, куда деньги девать. На следующей неделе придет

этот агент в Сикамору, надо, пожалуй, еще у него купить три-четыре таких пресси. Разве с одним справишься? Столько денег загребем, что придется в банк положить. Эх! Не знал я раньше, как деньгу зашибают! Оказывается, проще простого! Вот напрессую побольше, а там можно будет все дела по боку, и на покой.

Он замолчал и подтолкнул Хэнсома к двери.

— Хэнсом, нечего прохлаждаться, тащи бумагу!

Хэнсом побежал в комнаты и стал шарить по всем комодам, чуланам и за умывальником. Я нашел в гостиной на столе несколько старых журналов и принес их папе.

— Молодец, сынок! — сказал он. — Старые журналы такой же хлам, как и старые газеты, а весят больше. Тащи их сюда.

Когда я вернулся со следующей порцией журналов, мой старик объявил, что теперь и на вторую кипу хватит. Мы крепко закрутили пресс, и Хэнсом обвязал новую кипу проволокой. Папа сбросил ее на пол и велел Хэнсому положить на первую.

Мы проработали еще час, и к этому времени в углу крыльца лежали три готовых кипы прессованной бумаги. Хэнсом сказал, что теперь во всем доме не сыщешь ни клочка, и мой старик отправился на поиски сам. Он долго пропадал где-то и, наконец, вернулся с целой охапкой молитвенников, которые мама закупила для своего класса в воскресной школе. Мы отодрали с них переплеты, потому что они были коленкоровые, а мой старик сказал, что всучивать тряпье вместо бумаги нечестно. После этого он опять отправился в комнаты и вышел оттуда с пачками писем, перевязанными ленточками. Ленточки он сорвал, а письма затолкал в пресс. Когда и это было спрес-

совано, время подошло к полудню, и папа решил сделать передышку на часок.

После обеда мы опять принялись за работу. Несколько раз обшарили весь дом, но ничего бумажного не нашли, кроме отставших обоев в одной комнате, которые папа велел сорвать, потому что они все равно старые и только уродуют стены. Потом он послал нас с Хэнсомом к миссис Прайс спросить, не найдется ли у нее ненужной бумаги. Мы ходили к миссис Прайс два раза. Под конец все мы так устали, что папа сказал, на сегодня хватит — поработали. Тогда мы втроем сели на ступеньки и пересчитали кипы, сложенные в углу. Их было семь. Папа сказал, что для начала это недурно, и если дальше пойдет так же, то скоро мы будем богаче всех в городе.

Мы долго сидели на ступеньках и радовались, глядя на прессованную бумагу, и мой старик решил завтра встать пораньше и к вечеру наготовить не семь кип, а все двенадцать. Потом мама тоже вышла на крыльцо и увидела сложенную штабелем прессованную бумагу. Мой старик повернулся к ней, думая, что она тоже порадуетя, глядя, как мы много наработали в первый же день.

— Моррис, откуда же это взялось столько бумаги? — спросила она, подходя к кипам и трогая их рукой.

— Со всего дома собрали, Марта, — ответил папа. — Теперь нигде ничего не валяется, весь хлам убрали до последнего клочка. А сколько этой бумаги было запихано по разным уголкам! Только мышинные гнезда разводить. Хорошо, что я купил этот пресс. И в доме стало чище: все прибрано.

Мама расковыряла одну кипу и что-то вытащила оттуда. Это был журнал.

— Моррис! Это что такое? — сказала она оборачиваясь. И вытащила еще один журнал.

— Вы знаете, Моррис Страуп, что вы надедали? — сказала мама. — Загубили все мои рецепты и все мой выкройки, которые я сберегала с первого дня замужества.

— Да зачем тебе такое старье? — сказал папа.

Хэнсом попятился к двери. Мама оглянулась.

— Хэнсом, развяжи все до одной, — сказала она. — Интересно, что вы еще у меня взяли? Хэнсом! Делай, как приказано!

— Подожди, Марта... — сказал папа.

— Ма, разве нельзя продать газеты и журналы, ведь они старые? — спросил я.

— Молчать, Вильям! — сказала мама. — Нечего заступаться за отца.

Хэнсом развязал верхнюю кипу, и молитвенники вперемешку с журналами посыпались на пол. Мама нагнулась и подняла одну кипу.

— Господи помилуй! — вскричала она. — Да ведь это новые молитвенники для воскресной школы! На них деньги собирали по подписке! Люди мне доверились, думали, что уж у меня в доме все будет в целости. А теперь полюбуйтесь на них!

Она расшвыряла газеты и журналы, грудой валявшиеся на полу. Потом принялась за другую кипу. Хэнсом хотел развязать проволоку, но она сама рванула ее.

— А это что? Моррис! — еще громче сказала мама, глядя на одно из писем, которые мы запустили в пресс.

— Так, какие-то бумажонки, я их в чулане нашел, — сказал папа. — Все равно мыши съедят.

Мама вся покраснела и тяжело опустилась на стул. Минуты две она молчала. Потом окликнула Хэнсома.

— Хэнсом, — сказала она, покусывая губы и прижимая к глазам краешек фартука, — сию минуту развяжи эту кипу.

Хэнсом перепрыгнул через ворох газет на полу и дернул проволоку. Письма грудой упали к маминим ногам. Она нагнулась и подняла целую пачку. Потом пробежала глазами несколько строк в первом же попавшемся письме и закричала не своим голосом.

— Марта, что с тобой? — спросил папа, вставая со ступенек и подходя к ней.

— Мои письма! — сказала мама, прижимая краешек фартука к глазам. — Любовные письма от моих прежних поклонников! И все твои письма, Моррис! Что же ты наделал!

— Да ведь это бог знает какое старье, Марта, — сказал папа. — Хочешь, я тебе новые напишу — только прикажи.

— Не нужно мне новых! — закричала мама. — Я старые хочу!

Она так громко заплакала, что папа не знал, как ему быть. Он прошелся по крыльцу взад и вперед.

Мама нагнулась и набрала с пола целый фартук писем.

— Марта, я тебе еще напишу, — сказал папа.

Мама встала.

— Если ты ни во что не ставишь свои письма, — сказала она, — не трогал бы остальных, тех, что мне мои поклонники писали.

Она подхватила фартук с письмами и ушла в комнаты, громко хлопнув за собой дверью.

Мой старик заходил по крыльцу, ступая прямо по газетам и молитвенникам и подкидывая их ногами, сначала он молчал, потом подошел к прессу и провел обеими ладонями по гладко выструганным доскам обшивки.

— Эх, сынок! Зря пропадет бумага! — сказал он. — И чего мама так расстроилась из-за каких-то старых писем? Приехал бы агент на следующей неделе и сколько бы денег нам отвалил!

2

КАК ПРОПОВЕДНИК ХАУШО УПРОСИЛ НАС ПОЗВОНИТЬ В КОЛОКОЛ

Когда я пришел домой из школы, проповедник Хаушо, священник универалистской церкви, стоял у нас на переднем крыльце и разговаривал с моим стариком. Сначала я не обратил на это внимания, потому что проповедник Хаушо постоянно таскался к нам и все уговаривал моего старика ходить по воскресеньям в церковь, но папа каждый раз придумывал какую-нибудь отговорку и большей частью ссылался на то, что у нашей ослицы Иды рези в животе и ее нельзя оставить одну, или что свиньи мистера Джесса Джонсона бегают без присмотра и, значит, надо сидеть дома и сторожить, как бы они не изрыли наш огород. Я решил, что они опять препираются все о том же, остановился у крыльца и думаю: интересно, какую отговорку папа найдет на этот раз, и вдруг слышу, проповедник Хаушо говорит, что сегодня днем должно состояться венчание мисс Сузи Тинг со вторым почтальоном Губертом Уилли, а привратник универалистской церкви негр Джефф Дэвис Флетчер уехал на несколько дней в соседний округ навестить какого-то больного родственника, и звонить в колокол некому. Мой старик слушал проповедника Хаушо, но, судя по всему, не имел ни малейшего желания звонить в колокол в его церкви.

— Я вот что вам предложу, мистер Страуп,— сказал проповедник, так и не дождавшись ответа от моего старика. — Если вы согласитесь звонить сегодня во время венчания, я до конца года оставлю вас в покое и не буду уговаривать, чтобы вы посещали церковную службу. Ну как, мистер Страуп, довольны?

— Доволен-то я доволен, а лучше б вы оставили меня в покое не только на этот год, но и на все следующие, — ответил папа.

— Вы слишком многого от меня хотите, мистер Страуп,—с расстановкой проговорил проповедник Хаушо. — Долг велит мне не отступаться от человека до тех пор, пока он не начнет ходить в церковь.

— Раз уж вам так приспичило со звонарем, — сказал мой старик, — вообразите себе, что я баптист или методист и не невольте меня слушать ваши проповеди в универсалистской церкви. У меня есть своя религия. Пожалуй, заслушаешься универсалистского проповедника и пошатнешься в вере. Неужели вы хотите, чтобы я из-за вас отвернулся от своей религии?

Проповедник Хаушо в изнеможении прислонился к стене и долго-долго думал. Папа сидел на перилах и ждал, что последует дальше.

— Не будем сегодня спорить о религии, мистер Страуп, — сказал, наконец, проповедник Хаушо. — Я совсем замучился, а у меня через полчаса венчание в церкви. Звоняря разыскивать уже поздно, и если вы не согласитесь, я просто не знаю, как мне и быть.

Мой старик слез с перил и зашагал вниз по ступенькам во двор. Проповедник Хаушо еле поспел за ним.

— Так и быть, выручу вас, позвоню, — ска-

зал папа. — Меня никто не попрекнет, что я отказываюсь помочь человеку в беде.

— Вот и прекрасно! — сказал проповедник, весь просияв и с улыбкой глядя на папу. — Я знал, что на вас всегда можно положиться, мистер Страуп.

Он смахнул пыль с пиджака и поправил галстук.

— Вам, собственно, и делать-то будет нечего, — сказал он. — Запомните только одно: как я начну читать венчальную службу, тут и надо ударить в колокол. Звоните до тех пор, пока молодые не выйдут из церкви и не скроются у вас из виду. А когда и след их простынет, тогда кончайте. Понятно, мистер Страуп?

— Меня на такой чепухе не собьешь, — ответил ему мой старик. — Подумаешь, премудрость какая!

Проповедник Хаушо попятился к калитке.

— Ну, мне пора, — забеспокоился он. — Через двадцать минут надо начинать. Вы оденьтесь получше, мистер Страуп, и приходите. Только не задерживайтесь. Я буду ждать вас в притворе, как раз где веревка от колокола.

Он повернулся и быстро зашагал к универсалистской церкви, которая была за три квартала от нас. Мой старик направился в дом.

— Пойдем, сынок, — сказал он, широко поведя рукой. — Надо подготовиться к свадьбе. Ты мне поможешь звонить в колокол. Пойдем!

Мы вошли в комнаты, и папа окунул голову в таз с водой и гладко причесал волосы щеткой. На этом наши приготовления были закончены.

— Па, а мне ты позволишь позвонить? — спросил я, вприпрыжку поспевая за ним. — Позволишь, па?

— Там посмотрим, сынок, — ответил он. — Если тянуть будет не очень трудно, то позволю.

Народ уже сходил на свадьбу. Мы всех обогнали и быстро пошли вперед, торопясь притти в церковь заранее. У паперти стояла толпа, но мой старик только помахал всем рукой, и мы, не останавливаясь, прошли в притвор.

Проповедник Хаушо ждал нас у веревки, как было обещано. Он очень волновался, и ему не стоялось на месте. Увидев меня и папу, он зашагал по притвору взад и вперед, то и дело поглядывая на часы.

— Мистер Страуп, эта свадьба очень важное событие, — громким шопотом сказал он папе. — Сочетаются браком представители двух семейств, двух надежнейших столпов моей церкви. Мне бы очень хотелось, чтобы все сошло как нельзя лучше. Я придаю большое значение этой свадьбе. Она соединит две враждующие семьи и положит конец распре, которая мутит всю мою паству.

— За меня можете быть спокойны, — ответил ему папа. — Делайте все, что вам полагается по чину, а уж я возьму на себя обязанности звонаря. Меня тут учить нечему. Мало ли я звонил в колокол, когда работал школьным сторожем.

— Рад это слышать, мистер Страуп, — сказал проповедник Хаушо, вытирая лицо носовым платком. — Теперь я знаю, что звонарь у меня опытный, и будто гора с плеч.

Прихожане один за другим стали входить в церковь, органист заиграл свою музыку. Вскоре в боковых дверях появилась мисс Сузи Тинг в пышном белом платье и с охапкой цветов в руках. Почти одновременно с ней в другую дверь вошел Губерт Уилли. Венчание могло начаться с минуты на минуту, и я сказал своему старику, что нам того и гляди надо будет ударить в колокол.

Проповедник Хаушо с часами в руках стремглав кинулся в притвор и чуть не упал в проходе между скамьями, споткнувшись о чьи-то ноги.

— Ну вот, мистер Страуп, — хриплым шопотом сказал он папе. — Как увидите, что я беру со стола маленькую черную книжку, так и знайте — пора звонить.

Папа кивнул и ухватился за тяжелую толстую веревку, пропущенную с колокольни вниз через круглую дыру в потолке.

— Держи крепче, сынок, — сказал он. — Придется вдвоем раскачивать. Школьный колокол был куда меньше.

Мы взялись за веревку, стараясь перехватить ее как можно выше.

— Ну, — сказал папа, — теперь гляди на проповедника и говори, когда дергать.

Мисс Сузи Тинг и Губерт Уилли стали перед проповедником Хаушо. Губерт был красный, как свекла, а лицо мисс Сузи я не мог разглядеть, потому что она уткнулась в большой букет. Проповедник Хаушо протянул руку и взял со стола ту самую черную книжку, о которой нам было сказано.

— Дергай, па! — как можно тише шепнул я. — Началось!

Мы потянули за тяжелую веревку и кое-как раскачали ее. Папа объяснил мне, что надо изо всех сил тянуть веревку вниз, а потом сразу отпускать, и она сама уйдет кверху. После пяти-шести таких рывков язык ударил в колокол, и веревка заходила у нас вверх и вниз, как и требовалось.

Колокол звонил протяжно, и звон этот показался мне немного странным, но, взглянув на своего старика и увидев, какое у него довольное лицо, я решил, что так и надо. Потом обернулся

и вдруг вижу: проповедник Хаушо подозвал к себе причетника и что-то шепчет ему. Многие из прихожан вертелись на местах и так на нас смотрели, будто мы делали что-то не то. Причетник кинулся по проходу к нам и, подбежав к папе, шепнул ему что-то на ухо.

Мой старик покачал головой и продолжал звонить, как мы и звонили с самого начала. Причетник убежал назад к проповеднику, перед которым стояли мисс Сузи и Губерт. Проповедник Хаушо уже перестал читать по маленькой черной книжке и, как только причетник шепнул ему что-то, положил книжку на стол и бегом кинулся к нам.

— Мистер Страуп! — громко сказал он. — Перестаньте бухать!

— Что вы там чепуху городите? — ответил ему папа. Мы попрежнему дергали за веревку, и после каждого рывка она уходила в дыру в потолке. — Мне сказано было звонить, я и звоню, Чего вам еще надо?

— Чего мне надо? — повторил проповедник Хаушо, запуская палец за тесный воротничок и поводя шейей. — Вы разве не слышите, что получается? Дин... дон... дин... дон... — Теперь уже всё, кто был в церкви, повернулись лицом к притвору, и многие делали нам какие-то знаки руками. — Так только часы отбивают. Или звонят на похоронах. Прекратите немедленно!

— Что вы от меня хотите? — спросил его мой старик. — У нас в школе только так и звонили. И никто не говорил, что это похоронный звон.

— Мистер Страуп! Да разве можно сравнивать школьный колокол с нашим, — сказал проповедник Хаушо. — Величина-то разная! В школьный колокол как ни звони, он все равно будет

бухать. Перестаньте сию же минуту. Все чуть не плачут от вашего звона. Разве такое настрое- ние должно быть на свадьбе?

— Так как же прикажете мне звонить? — спросил папа.

— С перезвоном.

— С перезвоном? — сказал мой старик. — Это еще что такое?

Проповедник Хаушо повернулся и быстро оглядел всех, кто был в церкви. Мисс Сузи и Губерт все еще стояли у кафедры, дожидаясь, когда он вернется и доведет церемонию до конца, но вид у них обоих был такой, что, казалось, мисс Сузи того и гляди грохнется в обморок, а Губерт разобьет цветное стекло и выскочит в окно на улицу.

— Неужели вы никогда так не звонили? — спросил проповедник Хаушо.

— Мало того что не звонил, — ответил папа, — я даже никогда не слышал о таком звоне.

— Вот как надо: динь-дир-линь, дин-дир-линь, — сказал проповедник.

— Динь-дир-линь? — переспросил папа, по- прежнему дергая за веревку. — Первый раз эда- кое слышу.

— Хорошо, мистер Страуп, только перестаньте бухать. Говорю вам, надо с перезвоном! — сказал проповедник Хаушо. — Некоторые уже начали плакать!

— Не могу же я переучиваться на ходу, — от- ветил ему папа. — Тут нужна практика. Как звоню, так и буду звонить. А в следующий раз попробую по-вашему.

Проповедник Хаушо протянул руку к веревке, но как раз в эту минуту брат мисс Сузи Тинг, Джул, кинулся на Губерта Уилли и вытолкнул его через боковую дверь на кладбище, крича, что это

Губерт велел так звонить, это все его штучки. За ними еще никто не успел выскочить, а Джул уже надел на Губерта, и они принялись дубасить друг друга, прыгая между могилами и памятниками. У Губерта пошла кровь носом, а Джул располосовал себе брюки о железную дощечку на одной ограде с надписью: «Вход запрещен».

Мой старик велел мне звонить, а сам пошел посмотреть на драку. Проповедник Хаушо тоже выбежал из церкви вместе со всеми. Я продолжал дергать за веревку и теперь уже ясно слышал, что получается точь-в-точь как у дядюшки Джеффа Флетчера на похоронах: дин...дон...дин...дон... Джул и Губерт порядком друг друга исколошматили, но их никто не останавливал, в расчете на то, что они устанут и разойдутся сами собой. Я дергал за веревку, как мне велел мой старик, и про себя удивлялся, неужели один и тот же колокол может вызванивать и «динь-дир-линь» и «дин...дон», и вдруг проповедник Хаушо подлетел ко мне и вырвал у меня веревку из рук. Язык ударил в колокол раз-другой и остановился.

— Хватит, Вильям! — сказал проповедник и, рванув меня за шиворот, втолчки спустил вниз по ступенькам.

В эту минуту из-за угла церкви выбежал мой старик. Он как услышал, что колокол перестал звонить, так и замер на месте.

— Ты почему же не звонишь, сынок? — спросил он.

— Проповедник не велел, — сказал я. — Он меня выгнал.

— Выгнал? — переспросил мой старик, немедленно приходя в ярость.

Проповедник Хаушо вышел из церкви и остановился на верхней ступеньке. Вид у него был совершенно изможденный.

— Слушайте-ка вы, проповедник! — начал папа. — Раз уж я согласился звонить в колокол, так тут хоть тресни, а звон будет. И сейчас я иду в церковь и обещанную работу выполню до конца. Не моя вина, если вам не нравится, как я звоню.

— Никуда вы не пойдете! — сказал проповедник Хаушо, загораживая собой дверь. — Вы и так мне всю свадьбу расстроили, и безобразная драка на кладбище — это тоже из-за вас. Вы так звонили, что Тинги и Уиллисы вспомнили все свои старые счеты. Я вам даже до веревки дотронуться не дам!

— Кто же знал, что вам требуется не «дин... дон...», а «дин-дир-линь»?

— На здравый смысл надо было полагаться! — сказал проповедник Хаушо, отталкивая моего старика от двери. — Да вообще, кто не понимает разницы между буханьем и перезвоном, того и подпущать нельзя к церковному колоколу.

Гости, которые пришли на свадьбу, тоже начали обвинять моего старика, что он снова распалил вражду между Уиллисами и Тингами. Мисс Сузи, уже давно обливавшаяся слезами на хорах, кинулась домой, попрежнему с букетом в руках. Джула и Губерта нигде не было видно, они, наверное, разошлись по домам умываться.

— Значит, вам не понравилось, как я звонил? — спросил мой старик.

— Вот именно, мистер Страуп! — сказал проповедник, изо всех сил толкнув папу вниз по ступенькам, так что он еле удержался на ногах.

— Тогда не смейте больше являться ко мне в дом и не просите меня слушать ваши проповеди, — сказал папа, боком отступая от него. — Если вам не нравится мой звон, я на ваши проповеди тоже не ходок.

Проповедник Хаушо ушел в притвор. Он почти скрылся у нас из виду, как вдруг мой старик окликнул его.

— А как же будет, если я захочу примкнуть к общепринятой религии? — крикнул папа. — Вдруг мне покажется, что надо верить не на свой собственный лад, а как все люди? Не оставаться же мне на бобах, когда все прочие обретут спасение и вознесутся на небеса.

Проповедник Хаушо высунул голову из-за двери.

— Вам у баптистов или у методистов лучше будет, — сказал он. — А наша церковь как-нибудь и без вас обойдется, мистер Страуп!

3

ХЭНСОМ БРАУН И ЧОРТОВЫ КОЗЫ

— Всегда твой отец что-нибудь выкинет, — сказала мама с измученным и беспомощным видом, — не одно, так другое. Право, кажется иногда, что не видать мне покоя до самой смерти.

Она расхаживала взад и вперед по двору, ломая руки и стараясь придумать выход из положения.

Козы, которых папа и наш негр Хэнсом Браун пригнали с фермы в город, стояли на самом гребне крыши, жуя свою жвачку и поглядывая на нас. Большой белый козел с длинной белой бородой и бакенбардами был, как две капли воды, похож на нашего соседа, мистера Картера.

— Боже мой, что же мне делать, — говорила мама, не переставая ходить взад и вперед. — Сегодня у меня должен собраться женский клуб.

А на крыше эти козы, — да тут просто умрешь со стыда.

Две козы жевали жвачку, бакенбарды у них были не такие длинные, как у козла. Кроме трех взрослых, на крыше стояли еще два козленка. Они были двухмесячные, ростом вчетверо меньше старого козла, но вся эта пятерка на крыше казалась целым стадом.

— Вильям, скажи Хэнсому, пускай сбегает в город и разыщет папу. Чтоб немедленно шел домой и согнал этих коз с крыши, — сказала она мне.

Хэнсом убирался на кухне, и мне надо было только подойти к двери и окликнуть его. Он вышел на крыльцо и спросил, чего нам надо.

— Вот что мне надо, Хэнсом Браун, — сердито крикнула мама, — прежде всего скажи, пожалуйста, для чего ты пригнал сюда этих коз?

— Я только сделал, что мистер Моррис мне велел, как я всегда делаю, когда мистер Моррис или вы мне велите, миссис Марта, — сказал он, переминаясь с ноги на ногу. — Мистер Моррис велел пригнать коз домой, вот я и пригнал. Зачем же вы меня браните, когда мистер Моррис так велел, миссис Марта.

— Почему же ты не сказал мистеру Моррису, чтобы он сначала меня спросил, — сказала мама. — Ты об этом подумал или нет?

— Да, мэм, подумал, но когда я хотел сказать мистеру Моррису, мистер Моррис крикнул: «Иди ты к чорту! Еще чего!» — вот именно так. И тогда я пригнал коз сюда, как было велено.

Мама озлилась пуще прежнего. Она схватила полено и запустила в коз на крыше, но полено и до крыши не долетело, не то что до коз. Оно громко стукнулось об стену, оцарапав доски.

— Ступай сейчас же и разыщи мистера Мор-

риса, — сказала она Хэнсому, — и скажи ему, что он мне нужен. Загляни в парикмахерскую и в скобяную лавку — везде поищи, но только непременно найди его. И думать не смей возвращаться без него, Хэнсом Браун. Слышать не хочу никаких отговорок.

— Да, мэм, миссис Марта, — сказал Хэнсом и побежал разыскивать папу.

А козы гуляли на крыше, поглядывая то во двор, то на нас с мамой, то на улицу. Они забрались туда, скакнув с поленницы на дровяной сарай, оттуда на навес над крыльцом, а потом на крышу дома. Они были примерно на высоте двух с половиной этажей, и очень смешно было глядеть, как три большие козы и два маленьких козленка вереницей разгуливают по гребню крыши.

Они снова остановились поглядеть во двор, и козел долго жевал, а потом раздул бакенбарды, словно строил нам рожи.

Мама поискала еще полено, полегче, но она слишком злилась, чтобы выбрать полено себе по руке. Тогда она погрозила кулаком всей козлиной пятерке и убежала в комнаты.

Я еще с минуту посидел на ступеньках крыльца, но мама тотчас вернулась и сразу подняла меня на ноги.

— Вильям, ступай сейчас же на улицу и стереги там отца, — сказала она, сталкивая меня со ступенек. — И как только увидишь его, беги ко мне. Дамы с минуты на минуту должны притти.

Я обежал вокруг дома и стал у калитки, откуда видна была вся улица. Ждать мне пришлось недолго, потому что сейчас же послышались голоса папы и Хэнсома. Они быстро шли к дому.

— В чем дело, сынок? — спросил папа, посмотрев вверх на коз. — Что тут у вас случилось?

— Мама говорит, что надо согнать коз с крыши, а то к ней скоро придут дамы, — ответил я.

— Ну чего же проще, — сказал он, поспешно оглянув угол дома и входя во двор. — А ну-ка, Хэнсом, пошевеливайся.

— Это вы мне говорите, мистер Моррис? — сказал Хэнсом.

Хэнсом не мог ходить быстро. Он говорил, что от быстрой ходьбы у него поджилки болят. Когда ему надо было торопиться, он бежал рысцой.

— Скорей, Хэнсом, — сказал ему папа, — и перестань ныть.

Мы вошли во двор, и папа прежде всего посмотрел на коз. Он не меньше моего любил коз и велел пригнать их в город, чтобы они были у него на глазах. Когда они жили на ферме, мы их иной раз по неделе не видели, потому что на ферме бывали редко.

Козы уже не гуляли взад и вперед по крыше, а смотрели на нас вниз, ожидая, что же мы станем делать.

— Хэнсом, — сказал папа, — сходи за лестницей и приставь ее к крыльцу.

Хэнсом принес лестницу и поставил ее, как велел ему папа.

— Теперь что делать, мистер Моррис? — спросил Хэнсом.

— Лезь туда и прогони их с крыши, — сказал папа.

Хэнсом посмотрел вверх, на большого козла, и попятился от лестницы.

— Я что-то боюсь лезть туда, где этот большой козел, мистер Моррис, — сказал он. — Я таких противных рогов сроду не видывал. Если вам все равно, мистер Моррис, я лучше не полезу туда.

У меня сегодня весь день поджилки болят. Мне что-то нездоровится.

— Ты со мной не спорь, Хэнсом, — сказал папа, — и полезай, как тебе велено. Ничего твоим поджилкам не делается.

Тут на крыльцо вышла мама, пристегивая белый крахмальный воротничок к платью, которое она всегда надевала на собрания женского клуба. Она подошла к самым ступенькам и остановилась, глядя на нас с папой.

— Ничего, ничего, Марта, — заторопился папа, — ты не беспокойся. Мы с Хэнсомом мигом их оттуда прогоним.

— Да уж, пожалуйста, поскорее, — сказала мама. — Позор какой! Никогда еще со мной такого не было. Сейчас все придут на собрание и увидят этих коз на моей крыше. Господи, что про меня теперь говорить будут!

— Не волнуйся, Марта, — сказал папа. — Хэнсом сейчас туда залезет.

Но Хэнсом все пятился. Папа подошел и подтолкнул его к лестнице.

— А ну-ка, пошевеливайся. Делай, что тебе велют, — сказал папа, подталкивая его к лестнице.

Хэнсом всячески старался оттянуть время: он и штаны поддегивал и рубаху застегивал, но все же пришлось ему двинуться к лестнице. Он взобрался наверх и ступил на крышу. Но тут же попятился.

— Хэнсом Браун, — сказала мама, сбегая во двор, где мы стояли, — если ты спустишься оттуда, не согнав этих коз с крыши, так и знай, кормить я тебя больше не буду. Если ты не сделаешь, как мистер Моррис велел, то можешь уходить куда угодно и умирать с голоду.

— Миссис Марта, верно же: у меня поджилки схватило, прямо ужасно.

— Я тебя предупредила, Хэнсом Браун, — сказала мама, топая ногой. — А ты меня знаешь, я свое слово держу крепко.

— Миссис Марта, я...

— Я тебя предупредила, так и знай, — сказала мама.

Хэнсом поглядел сначала вверх, на коз, потом вниз, на маму, потом взобрался на кухонную крышу. Оттуда он опять покосился на нас, наблюдаем мы за ним или нет.

Тут мама услышала на улице женские голоса. Их разговор был слышен почти за целый квартал. Мама погрозила пальцем Хэнсому и побежала запира́ть парадную дверь, чтобы они не могли войти с улицы. Она думала, что дамы теперь сядут и посидят на крыльце, а то они прошли бы через комнаты во двор и увидели бы, что у нас творится.

Мы с папой сидели на дровах и следили за Хэнсомом. Хэнсом забрался на гребень кухонной крыши и растопырился там, цепляясь за дранку. Снизу он казался совсем маленьким.

— Только не смей мне калечить коз, — крикнул ему папа. — Смотри, чтобы они не сорвались, и не спугни козлят, а то они шарахнутся с крыши прямо вниз. Я с тебя всю шкуру спущу, если ты мне коз искалечишь. Слышишь!..

— Мне все до последнего слова слышно, мистер Моррис, — прокричал нам Хэнсом сверху. — Только тут скользко очень! Никогда я не думал, что может быть так скользко. Я изо всех сил стараюсь. Только я боюсь двинуться, как бы не упасть, уж очень внизу жестко. Я даже вздохнуть боюсь, мистер Мюррис.

Хэнсом замолчал, оттягивая время и выжидая, что скажет папа. Но скоро он понял, что папа не намерен отвечать, и чуть-чуть передви-

нулся вперед по гребню. Добравшись до стыка, он еще раз глянул вниз, на землю, закрыл глаза, когда увидел, как она далеко, и больше вниз не глядел.

— Смотри, не покалечь коз, — крикнул папа.

— Хорошо, сэр, мистер Моррис, — сказал Хэнсом откуда-то очень издалека. — Я и так стараюсь не покалечить.

Он добрался до ската крыши и стал карабкаться на нее. До гребня оставалось проползти столько же, сколько он уже прополз. Он тихонько лез по скату и, наконец, уцепился пальцами за гребень. Тут ему сразу стало легче. Он перекинул ногу и сел верхом на гребень, что было силы цепляясь пальцами за дранку.

Козы, спасаясь от Хэнсома, перешли на дальний конец крыши. Ему надо было проползти по всему гребню, заставить коз повернуть назад, на кухонную крышу, чтобы оттуда они соскочили на навес над крыльцом, потом на деревянной сарай и, наконец, на поленницу.

Хэнсом уже проделал полдороги, как вдруг большой козел сам решил спуститься вниз. Козел двинулся первый, за ним козы, а козлята — в самом хвосте. Хэнсом сразу их приметил — и в первую очередь козла, потому что тот пригнул голову, и рога у него торчали вверх, словно громоотводы.

— Постой минутку, — завопил Хэнсом большому козлу. — Стой, где стоишь. Тебе говорят!

Козел все приближался. Подойдя к Хэнсому футов на пять, он замер на месте, пожевал губами и уставился Хэнсому прямо в глаза.

Пока Хэнсом и козел смотрели друг на друга, мама выбежала во двор узнать, сигнал ли Хэнсом коз с крыши.

Вдруг козел сделал выпад и ринулся на Хэн-

сома, низко пригнув голову и брыкнув копытами. Хэнсом во-время это заметил, но беда была в том, что ему некуда было деваться и оставалось только растянуться плашмя на животе. Хэнсом крепко вцепился пальцами в драпку и уперся ногами изо всех сил.

— Берегись, Хэнсом! — кричал папа, увидев, что делается на крыше.

Папа вскочил и замахал на козла руками. Но это не помогло, и козел со всего размаха стукнул Хэнсома лбом. Сразу даже нельзя было сказать, как дело обернется дальше, потому что, после того как козел боднул Хэнсома, оба они замерли на месте.

— Держись, Хэнсом! — кричал ему папа.

А потом мы увидели, как Хэнсом съезжает по скату крыши спиной к нам. Так он съехал до половины крыши, а потом завертелся, как волчок. Мы едва успели это заметить, как он сорвался с крыши и полетел вниз. Мы все подумали, куда же Хэнсом упадет? Двор у нас был песчаный и твердо утрамбованный, и с той стороны, куда он падал, поленницы не было. Прежде чем мы успели все это сообразить, Хэнсом мелькнул в воздухе, прошиб крышку колодца, словно пуля, и исчез.

— Боже милостивый! — простонала мама. — Хэнсом погиб.

Она пошатнулась и упала замертво. Папа хотел поднять ее, немножко приподнял, но сейчас же бросил и побежал к колодцу — поглядеть, что стало с Хэнсомом. Все произошло так быстро, что раздумывать было некогда. Доски, прикрывавшие колодец, провалились вниз, словно на них большой камень обрушился.

Мы с папой бросились через двор к колодцу. Заглянув вниз, мы сначала ровно ничего не уви-

дели. Там было черным-черно. Папá окликнул Хэнсома, и эхо отпрыгнуло, как резиновый мячик, и совсем оглушило нас.

— Где ты, Хэнсом?—еще раз крикнул папа.— Отзовись!

Мама поднялась и, шатаясь, подошла к нам. Она не сразу пришла в себя и покачивалась, как мистер Энди Хоуард в субботу вечером. У нее, должно быть, еще кружилась голова.

— Бедный Хэнсом Браун! — сказала мама, хватаясь за сруб колодца, чтобы не упасть. — Бедный Хэнсом Браун! Такого негра у нас еще никогда не было. Бедный наш Хэнсом!

Папа второпях раскручивал ворот. Он хотел поскорее опустить вниз ведро.

— Помолчи, Марта,— сказал он сквозь зубы.— Не видишь разве, что я тороплюсь поскорее опустить ведро.

— Глупенький наш Хэнсом Браун! — говорила мама, утирая слезы и не обращая никакого внимания на папу. — И зачем я его так бранила, когда он был жив. Такого негра у нас еще никогда не было. Бедненький наш Хэнсом!

— Замолчи, Марта! — прикрикнул на нее папа. — Не видишь разве, как я тороплюсь.

К этому времени мама пришла в себя и могла стоять, ни за что не держась. Она нагнулась над срубом и заглянула вниз.

— Ты тут, Хэнсом? — крикнул папа в колодец.

Ответа долго не было. Все мы нагнулись над колодцем, вглядываясь в темноту. Сперва ничего не было видно, но потом внизу заблестели два круглых белых пятна. Казалось, что они где-то очень далеко. Эти пятна становились все ярче, словно два кошачьих глаза темной ночью, когда на них попадет свет от фонаря.

— Ну как ты там, дышишь, Хэнсом? — закричал ему папа.

— Дышать-то я дышу хорошо, мистер Моррис, — сказал Хэнсом. — А вот поджилки у меня болят ужасно.

— Ерунда, — сказал папа. — Ничего твоим поджилкам не сделается. Видишь ты там что-нибудь?

— Ничего не вижу, — сказал Хэнсом. — Я куда-то провалился и ослеп, как летучая мышь. Совсем ничего не вижу.

— Это потому, что ты на дне колодца. Мудрено там что-нибудь разглядеть.

— Так вот я где! — сказал Хэнсом. — Боже мой, мистер Моррис. Так вот почему вокруг меня столько воды! А я уж думал, что попал прямо в ад. Я уж думал, что меня прямо туда занесло. А когда же вы меня отсюда вытащите, мистер Моррис?

— Лови ведро и держись за него крепче. Сейчас я тебя вытащу, — ответил папа.

Хэнсом поймал ведро и дергал веревку до тех пор, пока папа не нагнулся над срубом.

— Мистер Моррис, а мистер Моррис? — сказал Хэнсом.

— Ну, чего тебе еще?

— Когда вы меня вытащите, вы не пошлете меня опять на крышу, где тот большой козел?

— Нет, — сказал ему папа, крутя ворот. — Пускай эти чортовы козы сидят там, пока не проголодаются и сами не слезут.

Мы все так занялись Хэнсомом, что совсем забыли о козах. Но тут мама обернулась и посмотрела на крышу. Потом замахнулась на них кулаком. Тем временем козы перешли на другой конец гребня, над кухней, и стали там, глядя на нас.

Козел уставился маме прямо в глаза и даже

бросил жевать. Мама и козел словно пробовали, кто кого переглядит.

В это время пятнадцать или двадцать дам, собравшихся на заседание, выглянули из-за угла дома, любопытствуя, что делается у нас во дворе. Увидев, что парадная дверь закрыта, они решили обойти кругом и узнать, в чем дело. Подходя к дому, они увидели коз на крыше, и теперь им любопытно было узнать, из-за чего мы подняли во дворе такой шум.

— Марта Страуп, голубушка! — сказала одна из них. — Что у вас такое происходит? Смешнее этих ваших коз на крыше я ничего в жизни не видывала.

Мама круто повернулась и увидела дам. Она не сказала ни слова, но руки ее сами собой поднялись к лицу, словно ей не хотелось, чтобы ее видели. Потом она вбежала в дом через заднее крыльцо, захлопнула за собой дверь и заперла ее на замок. Дамы снова собрались у парадной двери и долго стучались. Потом они, должно быть, потеряли надежду попасть к нам и пошли по улице обратно. На ходу они время от времени оборачивались поглядеть на коз на крыше и смеялись так громко, что, наверное, их слышно было во всем городе.

4

МОЙ СТАРИК И СОЛОМЕННАЯ ВДОВУШКА

В тот день мой старик встал раньше обычного и, никому не сказавшись, ушел из дому, а мама была так занята приготовлениями к стирке, что ничего у него не спросила.

Обычно, когда мама спрашивала, куда он уходит, мой старик говорил, что ему надо повидать одного человека по одному делу на окраине города или что тут неподалеку нашлась кое-какая работа. Если б мама не была занята в то утро, я просто не знаю, как бы он объяснил свою отлучку.

Он встал раньше всех, направился прямо на кухню и сам приготовил себе завтрак. Я только-только успел одеться, а мой старик уже запряг Иду. Он забрался в телегу и выехал со двора на улицу.

— Па, можно мне с тобой?—спросил я моего старика. Я бежал рядом с тележкой, держась за крыло, и просился, чтобы он взял меня.— Па, ну пожалуйста! — говорил я.

— Сейчас нельзя, сынок, — сказал он и, стегнув Иду вожжами, пустил ее рысью.— Если ты мне понадобишься, я за тобой пришлю.

Они с грохотом покатали по улице и скрылись за углом.

Когда я вернулся домой, мама разжигала плиту на кухне. Я сел к столу, дожидаясь, когда она даст мне поесть, но про папу ничего ей не сказал. Мне было очень грустно, что папа с Идой куда-то уехали, а меня оставили дома, и я ни с кем не хотел разговаривать, даже с мамой. Я сидел за столом возле плиты и ждал молча.

Мама поела наспех и ушла во двор разводить огонь под бельевым баком.

В то же утро, только попозже, к нам на задний двор явилась миссис Сингер, которая жила по соседству с нами, на углу. Я увидел ее раньше мамы, потому что с самого утра сидел на крыльце, поджидая своего старика.

Миссис Сингер подошла к скамье, на которой мама стирала. Несколько минут она стояла молча.

Потом вдруг нагнулась над лоханью и спросила маму, знает ли она, где папа.

— Дрыхнет где-нибудь в тени, если только не лень с пекла передвинуться, — сказала мама, даже не поднимая головы от стиральной доски.

— Я, Марта, серьезно говорю, — сказала миссис Сингер и придвинулась к маме вплотную. — Очень серьезно.

Мама оглянулась и увидела, что я сижу на ступеньках крыльца.

— Вильям, ступай в комнаты, — сердито сказала она.

Я поднялся на крыльцо и дошел до кухонной двери. Оттуда тоже все было слышно.

— Слушайте, Марта, — сказала миссис Сингер, наклоняясь вперед и кладя руки на край лохани. — Я не сплетница и не хочу, чтобы вы меня считали за сплетницу. А все-таки вам следует знать правду.

— А что такое? — спросила мама.

— Мистер Страуп сидит сейчас у миссис Везерби, — быстро проговорила миссис Сингер. — Подождите, это еще не все. Он там с самого утра. И они одни с глазу на глаз.

— А откуда вы это знаете? — спросила мама выпрямляясь.

— Я проходила мимо и сама его видела, собственными глазами, — ответила миссис Сингер. — И сочла своим долгом сказать вам об этом.

Миссис Везерби была молоденькая соломенная вдовушка, которая жила одна на окраине нашего города. Она пробыла замужем всего два месяца, а потом в одно прекрасное утро муж ушел от нее и больше не вернулся.

— Что же там понадобилось Моррису Страупу? — сказала мама так громко, словно во всем была виновата миссис Сингер.

— Ну, Марта, уж это не мое дело вам объяснять, — ответила та, попятившись от мамы. — Я только считаю своим христианским долгом предупредить вас.

Она вышла со двора и быстро завернула за угол дома. Мама нагнулась над лоханью и с такой силой принялась взбивать пену, что вода выплеснулась на землю. Потом она круто повернулась и зашагала по двору, вытирая на ходу руки о фартук.

— Вильям! — крикнула она, — ступай в комнаты и сиди там, пока я не вернусь. Мама тебе приказывает, Вильям! Слышишь, Вильям?

— Слышу, ма, — сказал я, пятясь к двери.

Она быстро вышла со двора и зашагала вверх по улице. К дому миссис Везерби так и надо было идти. Она жила почти в миле от нас.

Я спрятался на заднем крыльце и стоял там до тех пор, пока мама не перешла улицу на перекрестке, а потом обогнул дом и бросился напрямик к реке, через пустырь мистера Джо Хэмонда. Я знал этот путь к дому миссис Везерби, потому что мы с Хэнсом Брауном ходили так на охоту за кроликами. Хэнсом говорил, что к каждому месту надо уметь пройти напрямик — это иной раз вот как пригодится. И я обрадовался, когда вспомнил про этот путь к дому миссис Везерби, потому что, если б я шел позади мамы, она бы меня увидела.

Я всю дорогу бежал, держась поближе к ивняку вдоль речки, как мы всегда делали с Хэнсом на охоте за кроликами. Потом, когда впереди показался дом миссис Везерби, я остановился и стал выематривать папу. Но его нигде не было видно. Ни его, ни самой миссис Везерби.

Тогда я перешел речку вброд и побежал пере-

улком, держась поближе к изгороди, сплошь увитой жимолостью.

Мне ничего не стоило добежать до садика миссис Везерби, и, выглянув из-за углового столба, я сразу увидел у садовой калитки нашу Иду. Ида стояла там и отмахивалась хвостом от мух. Она, наверное, сразу же меня узнала, потому что уши у нее вытянулись в сторону и так и застыли.

Я пустился ползком вдоль садовой ограды, поглядывая на задний двор миссис Везерби, и вдруг увидел маму. Она вприпрыжку неслась по полю, перескакивая через ряды хлопка.

И тут я услышал громкое хихиканье. Я повернул голову и, даже не вставая с колен, увидел миссис Везерби и своего старика. Миссис Везерби была сама не своя и заливалась точь-в-точь, как девчонки в школе, когда у них заведется какой-нибудь секрет. Сначала мне были видны только ее голые ноги, которыми она что есть мочи дрыгала, свесив их с крыльца. Потом я увидел и своего старика — он стоял рядом с крыльцом и щекотал миссис Везерби куриным перышком. Она враспяжку лежала на крыльце, а он стоял рядом и куриным перышком щекотал ей босые ступни. Стоило только миссис Везерби взвизгнуть погромче, и мой старик так и подскакивал на месте. Ее туфли и чулки валялись тут же на крыльце.

Миссис Везерби была не такая старая, как другие замужние женщины, потому что весной, перед самым своим замужеством, она еще ходила в городскую школу, а соломенной вдовой стала всего три-четыре месяца назад. Она извивалась всем телом, лежа на спине, дрыгала ногами и так визжала и хихикала, будто того и гляди помрет, если мой старик не перестанет щекотать ей ноги куриным перышком. Время от времени

она вскрикивала во весь голос, и тут-то самая потеха и начиналась, потому что, заслышав ее визг, мой старик подпрыгивал на месте, точно кенгуру.

Я так загляделся на миссис Везерби и на своего старика, что забыл про маму, и вдруг заглянул во двор, а она совсем близко. Мама шагала прямо к крыльцу.

Дальше дела пошли так быстро, что уследить за всем не было никакой возможности. Перво-наперво мама вцепилась моему старику в волосы, рванула его на себя и сбила с ног. Потом ухватила миссис Везерби за голую ногу и что есть мочи укусила ее за ступню. Миссис Везерби так взвыла, что, наверное, в Сикаморе было слышно.

Она приподнялась с крыльца, а мама накинулась на нее и ухватила за ворот. Платье треснуло сверху донизу и отстало от нее, точно обои от стены. Миссис Везерби как увидела это, так взвыла еще громче.

Но мама опять накинулась на моего старика. Он сидел на земле и с перепугу боялся шевельнуться.

— Это еще что за новости, Моррис Страуп? — крикнула мама.

— Да бог с тобой, Марта! Я хотел доброе дело сделать, помочь бедной вдове, — сказал папа, глядя на маму так, как он всегда глядел, когда пугался чего-нибудь. — У нее овощи совсем заглохли. Вот я и решил, дай-ка, думаю, пройду плугом по ее огороду, и привел сюда нашу Иду.

Мама круто повернулась и снова бросилась на миссис Везерби. На этот раз ей удалось вцепиться только в волосы.

— Так, так, Моррис Страуп! — сказала мама, поворачивая голову и глядя вниз на моего ста-

рика. — Если пощекотать соломенной вдове ноги куриным пером, так от этого овощи куда лучше будут расти.

— Да что ты, Марта! — сказал он, отъезжая от мамы подальше. — У меня этого и на уме не было. Просто я увидел, что у бедной вдовы весь огород зарос сорняком, и решил сделать доброе дело.

— Молчать, Моррис Страуп! — сказала мама. — Нехватает еще, чтобы вы всю вину на Иду свалили!

— Да что ты, Марта! — сказал мой старик, отъезжая еще дальше. — Зачем же так все поворачивать? Ведь она бедная вдова.

— Это уж мое дело, как поворачивать! — сказала мама, притопнув ногой. — Я хожу собираю молочай, чтобы не умереть с голоду, а он разъезжает повсюду со своим ослом и с плугом и огороды перепаживает у разных соломенных вдовушек. Да еще голые ноги им щекочет куриными перьями! Хорош, нечего сказать!

Мой старик открыл было рот, собираясь что-то ответить, но тут мама отпустила миссис Везерби и схватила его за лямки комбинезона, не дав ему выговорить ни слова. Потом она быстро-быстро повела его к столбу, у которого была привязана Ида.

Все еще держа моего старика одной рукой, мама взяла другой Иду под уздцы и зашагала по хлопковому полю к нашему дому. Ида чувствовала, что дело неладно, и, не заставляя понукать себя, рысцой поспежала за мамой.

Я пустился бегом к речке, торопясь поскорее добраться до дому. И поспел за какую-нибудь минуту до них.

Когда мама появилась во дворе, ведя одной рукой Иду, другой моего старика, я не удержался

и фыркнул, глядя на эту парочку. Физиономия у Иды была такая же смущенная, как и у моего старика.

Мама посмотрела на крыльцо и увидела меня.

— Перестань, Вильям!— сердито сказала она.— В отца пошел, такой же безобразник!

Мой старик покосился на меня. Он подмигнул мне правым глазом и покорно, как щеночек, побрел следом за мамой к конюшне. Но перед тем, как войти туда, мой старик нагнулся и поднял с земли куриное перо. Пока мама вводила Иду в стойло, он сунул перо в карман, поглубже, чтобы никто не видел.

5

ЧТО БЫЛО, КОГДА МАМА УЕХАЛА ПОГОСТИТЬ К ТЕТЕ БЕССИ

Мама поднялась рано, приготовила нам завтрак и оставила его на плите, чтобы не остыл. Когда она уезжала с дядей Беном на ферму погостить у тети Бесси, я уже проснулся, но мой старик все еще лежал, закутавшись с головой в одеяло. Как только они отъехали, папа выглянул из-под одеяла и спросил, не наказывала ли чего-нибудь мама перед отъездом. Но она, должно быть, думала, что мы еще спим, и ничего не сказала. Так я ему и ответил.

Пока мы одевались, папа говорил, что нам никак нельзя ударить в грязь лицом — надо одним справляться, без мамы. Мама уезжала погостить к своей сестре раз, а то и два раза в лето. Она говорила, что это единственный ее отдых и что она ездила бы чаще, да боится оставлять дом без присмотра.

— Хоть один денек, а поживем по-холостяцки. Лучше ничего быть не может, — сказал папа. — Иной раз приятно, когда и духа женского нет в доме.

После завтрака мой старик вышел во двор и растянулся на солнышке. Становилось жарко, и в небе не было ни облачка.

— Славный денек, — сказал мой старик, поворачиваясь на бок и глядя на меня. — Солнышко светит, и весь мир перед тобой открыт, делай, что хочешь. Жалко, что мама не может ездить к тете Бесси почаще.

Он подошел к изгороди и облокотился на нее. Я заметил, что мой старик смотрит на воробьев, которые копошились в огороде под капустой. Он постоял так несколько минут, потом поднял с земли камень и швырнул им в воробьев.

— Поедем, сынок, на рыбную ловлю, — сказал мой старик, оборачиваясь. — Сейчас самое время удить рыбу. Пойди запряги Иду.

Я тут же побежал к конюшне, вывел Иду во двор и принялся начищать ее скребницей. Папа велел мне почистить ее как следует и заложить в тележку.

— Я сейчас схожу в лавку, а как вернусь, так сразу и поедем, — сказал он. — Надо купить табаку.

Он слазил в курятник, вынул из гнезда два яйца и сунул их в карман — в обмен на табак.

— Чисть Иду, чисть, сынок. Чтобы она вся лоснилась, — сказал мой старик, выходя на улицу. — В такой славный денек пусть и наша Ида покрасуется.

— Па, а кто накопает червей? — спросил я.

Он остановился, минутку подумал и сказал, чтобы о червях позаботился Хэнсом Браун.

Мой старик отправился в лавку, а я крикнул

Хэнсома. Хэнсом подошел к конюшне, улыбаясь во весь рот.

— Я очень рад, что мистер Моррис собирается на рыбную ловлю, — сказал Хэнсом. — Меня давно подмывает рыбку поудить.

Хэнсом взял лопату и пошел за конюшню, где под кустом персидской сирени земля была влажная. Он принялся за дело, ни минуты не медля.

Пока я запрягал Иду, Хэнсом успел накопать целую консервную банку червей. В ожидании папы мы сели в тележку. Ждать его пришлось недолго, но я давно не видел, чтобы мой старик так торопился. Он почти бежал. Я уже протянул ему вожжи, но он схватил Иду под уздцы, подвел ее к забору и в один миг привязал к столбу.

— Па, что случилось? — спросил я.

— Теперь уж не до рыбной ловли, — сказал он. — С этим можно подождать. Сейчас займемся другими делами.

— Почему, па? — спросил я. — Почему не до рыбной ловли?

— Мистер Моррис, — сказал Хэнсом, поднимаясь в тележке во весь рост. — Я накопал большую банку червей. Вы таких жирных еще и не видывали. Если мы не поедем на речку, сколько добра зря пропадет! Ведь это загляденье, а не черви, мистер Моррис!

Мой старик зашагал к заднему двору, знаками приглашая нас за собой. Мы вылезли из тележки и пошли посмотреть, что он будет там делать.

Когда мы вышли на задний двор, я увидел, что папа стал на четвереньки и лезет под крыльцо. Я тоже полез следом за ним.

— Па, чего ты здесь ищешь? — спросил я. — Что здесь может быть под домом?

— Железный лом, сынок, — сказал мой ста-

рик. Он стал разгребать сухую землю руками и откопал какое-то ржавое колесо, должно быть, от швейной машинки. — Сколько у нас этого железного лома везде валяется! Вот и соберем его. К нам в город приехал скупщик, принимает разное железо и платит за него хорошие деньги — пятьдесят центов за сто фунтов. Как же упускать такой случай? Он, может, больше никогда и не приедет в Сикамору. Что же убытки-то терпеть! Ведь деньги сами в руки идут. Давайте не поленимся и соберем все, что у нас есть.

Я оглянулся и увидел Хэнсома, который тоже полз за нами на четвереньках.

— Мистер Моррис, а что мы здесь будем делать под домом? — спросил он.

— Собирать старое железо, — сказал папа. — Ну, пошевеливайся, помогай нам.

— Очень нужно тратить попусту время на старые железки, — сказал Хэнсом. — Ведь мы собирались рыбу удить!

— Ты, Хэнсом, лучше помалкивай, — сказал папа. — Дерзить вздумал? Делай, что тебе велено.

Хэнсом пополз под самый дом, бормоча что-то вполголоса. Время от времени он останавливался и шарил руками в пыли, но как-то вяло, без всякого интереса.

— Па, а когда мы кончим собирать старое железо, поедем удить рыбу? — спросил я.

— Вот соберем все, продадим и сразу же поедем, — сказал он. — Если мы втроем как следует примемся за дело, так мигом кончим. И на рыбную ловлю самое лучшее время останется, ведь мама вернется только вечером.

Мы нашли несколько листов от старой печки и железный обод с колеса. Все это было вынесено во двор и свалено у забора. Потом мы нашли много разной рухляди в деревянном сарае, а Хэн-

сом разыскал под лестницей старый кипятильник. Папа притащил откуда-то тяжелое железное колесо и тоже бросил его в общую кучу. После этого мы проработали еще час, перерыли весь мусорный ящик, собрали старые идины подковы, вообще заглянули, куда только можно, в поисках разных железных вещей.

В полдень папа остановился у собранной нами кучи железного лома и окинул ее взглядом.

— Поначалу я думал, что будет больше, — сказал он. — Хорошо, если весь этот лом потянет фунтов двести—триста, а нам надо не меньше тысячи. За тысячу фунтов скупщик даст пять долларов. Это по крайней мере деньги.

— Мистер Мюррис, может, и возиться-то не стоит из-за такой чепухи, — сказал Хэнсом. — А на рыбную ловлю поспеем, время еще есть.

— Ты, Хэнсом, лучше помалкивай, — сказал папа. — Я решил продать железный лом, и продам. Собирай железо, и чтобы я тебя больше не слышал.

Он послал нас к переднему крыльцу, а сам вышел через калитку в переулок. Под крыльцом нам с Хэнсомом удалось разыскать несколько ржавых петель. Их тоже бросили в общую кучу.

Мы сели отдохнуть и вдруг видим: мой старик вваливается в калитку с огромной ношей. Он тащил ручку от насоса, два утюга, топор, железный бак и много всяких других вещей. Все они показались мне гораздо новее тех, что мы нашли у себя во дворе, а бак, видимо, был только что снят с огня и не успел еще остыть. Мой старик свалил все это в общую кучу и опять вышел в калитку.

На этот раз он вернулся нагруженный еще больше. У него даже коленки подгибались от такой тяжести, и он еле доплелся с ней до забора. Во

второй порции были несколько новеньких французских ключей, каминные щипцы, кочерга, тяжелый чугунный котел и много всякой мелочи.

— И где это вы столько всего разыскали, мистер Моррис? — спросил Хэнсом. — Уж я как стараюсь, а ничего такого не могу найти.

Папа не ответил ему ни слова и только вытер лицо рукавом.

— Па, а теперь что мы будем делать? — спросил я.

— Подъезжай сюда с тележкой, сынок, — сказал он. — Сейчас мы все погрузим, я это отвезу и получу со скупщика деньги. Тысячу фунтов должно потянуть, а то и больше. Я на такие деньги даже не рассчитывал.

Мы с Хэнсомом подвели Иду к куче железного лома и помогли папе погрузить его на тележку. Когда все было сложено, папа выпил воды из ведра, залез в тележку и взял вожжи.

— Мистер Моррис, а мы все-таки поедим удить рыбу? — спросил Хэнсом.

— Я скоро вернусь, — сказал папа, стегнув Иду вожжами по спине. — Вот получу деньги и тут же вернусь.

Мы с Хэнсомом сели на ступеньки и проводили папу глазами. Мы сидели так очень долго, а солнце поднималось все выше и выше. Наконец Хэнсом пошел в комнаты посмотреть, который час. В это время солнце стояло как раз у нас над головой.

Мы прождали еще час, и вдруг над забором вверх и вниз заходили длинные уши Иды. Мы вскочили со ступенек и бросились папе навстречу. Он стегнул Иду вожжами и завернул во двор.

— Мистер Моррис, теперь нам можно ехать на рыбную ловлю? — спросил Хэнсом. — Только давайте поскорее, а то клев кончится.

Папа вылез из тележки, держа в руках пару новеньких резиновых сапог. Он опустил их на землю у нас перед глазами.

— Я как получил со скупщика четыре доллара, — сказал папа, отступая назад и глядя на свою обнову, — так и вспомнил, что в лавке у Фрэнка Данна есть резиновые сапоги. Мне давно такие хотелось. И как это я до сих пор без них обходился, просто не знаю!

— А что вы будете с ними делать, мистер Моррис? — спросил Хэнсом.

— Носить, как и полагается, — ответил папа.

— Почва у нас песчаная, — сказал Хэнсом. — Что-то я не припомню здесь такой грязи, по которой надо шлепать в резиновых сапогах.

— А какая сырость бывает после дождя, этого ты никогда не замечал? — сказал папа.

— Может, и бывает, — сказал Хэнсом, — только ведь дождь кончился, и через полчаса сухо, а пока эти сапоги найдешь, да пока их натянешь! Я вижу, зря мы все утро убили, поехали бы лучше рыбу удить. Вечером вернется миссис Марта, а мне целый год такого случая не представится. Сколько бы мы рыбы наловили, пока вы тут всякой чепухой занимались из-за этих сапог.

— Думай, что говоришь! — сказал папа. — Смотри, Хэнсом, я-то поеду на речку, а ты как бы дома не остался.

— Нет, мистер Моррис! Пожалуйста, не надо так делать, — сказал Хэнсом. — Я ничего плохого не говорил про ваши сапоги. Я таких красивых сапог в жизни не видел. Да, без них в дождь не обойдешься. Вот бы мне такие сапоги! Ух, я бы важный ходил!

Папа подошел к ведру и опять хлебнул воды. Потом вернулся обратно и положил руки на крыло тележки.

— Сынок, а где жестянка с червями? — спросил он.

Я сбегал и принес червей, и мы все втроем уселись в тележку. Папа взял вожжи и хотел было стегнуть Иду по спине, но в эту минуту в нашу калитку бегом вбежала миссис Фуллер. Миссис Фуллер жила на соседней улице; она была вдова и кормилась тем, что брала нахлебников. Ей было лет пятьдесят или шестьдесят, и она вечно на что-нибудь жаловалась.

— Одну минуточку, Моррис Страуп! — крикнула миссис Фуллер, подбегая к тележке и вырывая у папы вожжи.

Папа хотел вылезти, но она загородила ему дорогу.

— Где все те вещи, которые вы унесли у меня с заднего крыльца, Моррис Страуп? — сказала миссис Фуллер. — В доме ни капли воды нет и накачать нельзя, потому что вы утащили у меня ручку от насоса.

— Тут что-то не так, — сказал папа. — Вы же меня знаете, разве я позволю себе утащить у соседей ручку от насоса.

— Моррис Страуп, мой жилец видел, как вы шмыгнули к нам во двор и стибрили много всякого добра, в том числе и ручку от насоса, — сказала она, грозя папе пальцем. — Утюги унесли, щипцы и кочергу унесли, да, наверное, не только это. Сейчас же все верните, не то я позову шерифа.

Хэнсом незаметно слез с телеги и стал пятиться к дровяному сараю. Он уже приоткрыл дверь сарая, но в эту минуту мой старик оглянулся и увидел его.

— Хэнсом Браун, пойдй сюда, — сказал папа. Хэнсом застыл на месте.

— Я должен перед вами извиниться, миссис

Фуллер, — сказал папа. — Это все случайно получилось. Я шел сегодня вашим переулком, вижу, валяются какие-то ржавые железки. Я решил, что вы их просто выбросили, и отшвырнул ногой в сторону. Мне думалось, я вам одолжение делаю. Мои ребята затеяли уборку во дворе, вот ваши вещи вместе с нашими и попали.

— Вы лучше самому себе делайте одолжения, если не хотите попасть в тюрьму, — сказала миссис Фуллер. Мой старик опять кликнул Хэнсома, а миссис Фуллер повернулась и вышла в калитку.

— Хэнсом, — сказал папа, — принеси мне эти резиновые сапоги.

Хэнсом сходил к крыльцу и вернулся с сапогами.

— Вот тебе хороший урок, — сказал папа. — В следующий раз будешь знать, как хватать всё, что ни попадется под руку. Может, у этих вещей хозяева есть!

— Я хватал? — сказал Хэнсом, трясась всем телом. — Это вы мне говорите, мистер Моррис?

Папа сунул ему резиновые сапоги. Хэнсом взял их и тут же бросил.

— Отнеси эти сапоги в лавку мистера Фрэнка Данна и скажи, что они тебе не лезут. И попросишь деньги обратно.

— Мне отнести? — сказал Хэнсом, пятясь назад. — Мне?

Папа кивнул.

— А когда получишь деньги за сапоги, — продолжал мой старик, — ступай к скупщику и скажи ему, что ты передумал, — верните, мол, мне весь мой железный лом. Потом отдай четыре доллара и отбери то, что ты ему продал. Как отберешь, — да смотри, не забудь ручку от насоса! —

так наваливай на тележку и вези домой. Вернешься, тогда можешь отдать миссис Фуллер, что она требует.

— Вы мне это говорите, мистер Моррис? — сказал Хэнсом. — Вы, может, перепутали? Ведь резиновые сапоги не мои, я...

Папа поднял сапоги и вложил их Хэнсому в руки.

— Ты так ославил меня с моей покупкой, — и ненужная это вещь, и грязи-то у нас никогда не бывает! Вот я и подарил их тебе.

— Подарили? — спросил Хэнсом. — Когда же это было, мистер Моррис?

— Да не так давно, — сказал папа.

— Мистер Моррис! — сказал Хэнсом. — Вот честное слово, я в жизни своей не собирался заводить резиновые сапоги! На что другое, а на это я никогда не зарился.

Хэнсом совал сапоги папе, а папа совал их обратно Хэнсому. Хэнсом дрожал всем телом и пытался сказать что-то.

— Ну, будет разговаривать, делай, как приказано! — крикнул на него мой старик. — А то погрда хорошая, а тебя вдруг в тюрьму поведут.

Мой старик вложил ему в руки вожжи и посадил в тележку. Потом поднял с земли сапоги и швырнул их туда же.

Он хлопнул Иду по спине, и она рысцой тронулась со двора на улицу. Хэнсом обеими руками держался за сиденье и так громко стонал, что его и след простыл, а нам все еще были слышны эти стоны за несколько улиц.

Мой старик подошел к жестянке с червями и долго смотрел на нее. Потом поднял и велел мне принести лопату. Мы зашли за сарай, где Хэнсом копал утром червей, и папа вывалил всю жестянку на землю.

Черви начали расползаться во все стороны, но мой старик взял палку и столкнул их в яму, вырытую Хэнсомом.

— Засыпь их землицей, сынок,—сказал он.— Им там вольготнее будет. Сегодня уж поздно собираться на речку, зато в следующий раз, когда мама уедет к тете Бесси, мы половим рыбу в свое удовольствие!

Я засыпал яму, а мой старик примял землю руками, чтобы черви жили в прохладе и в сырости до того самого дня, когда они снова нам понадобятся.

6

ХЭНСОМ БРАУН И ДЛИННОХВОСТЫЕ ДЯТЛЫ

Длиннохвостые дятлы с давних пор не давали нам покоя. Сначала их было не очень много, но весной они свили гнезда, и когда птенцы подросли и начали долбить дерево, по утрам около нашего дома поднималась такая стукотня, что никто не мог спать. Дятлы жили на старой, давно высохшей смоковнице у нас во дворе, и мама говорила, что правильнее всего было бы срубить ее. Но мой старик заявил, что ему легче видеть, как республиканцы будут до скончания века получать большинство у нас на окружных выборах, чем расстаться с этой смоковницей. Он возился с ней, как я себя помню, подстригал сухие ветки и обводил дятловины известью. Под конец на смоковнице не осталось ни сучка, и она торчала у нас во дворе, как телеграфный столб.

Длиннохвостые дятлы жили на самой верхушке ствола. Они выдолбили на нем столько дятловин,

что я и счет им потерял. Хэнсом Браун как-то подсчитывал, и, по его словам, дятловин было не то сорок, не то пятьдесят. В начале лета, когда птенцы вылетели из гнезд и принялись долбить смоковницу, на ней копошилось не меньше десяти—пятнадцати птиц сразу. Но хуже всего бывало по утрам. Дятлы просыпались, когда чуть брезжило, и начинали стучать носами по сухому стволу, — стаями, штук по двадцать, по тридцать, как уверял мой старик, — и это продолжалось до шести, а то и до семи часов утра.

— Мистер Моррис, — сказал как-то Хэнсом, — я могу достать двустволку, и тогда мы живо с ними разделаемся.

— Попробуй только, застрели мне хоть одного дятла, — сказал папа. — Это все равно, что убить нашего окружного шерифа. Упеку тебя в кандальную команду на всю жизнь.

— Нет, нет, мистер Моррис! Пожалуйста, не надо, — сказал Хэнсом. — Что другое, только не это.

Тук-тук-тук, раздававшееся на смоковнице, становилось просто нестерпимым. Дни прибавлялись — значит, с каждым утром дятлы начинали стучать все раньше и раньше. Мой старик уверял, что теперь они просыпаются и начинают долбить смоковницу с половины четвертого утра.

— Будь это мои дятлы, — сказал Хэнсом, — я бы их распугал, а дерево срубил. Тогда не стали бы стучать.

— Думай, что говоришь, Хэнсом Браун! — сказал ему папа. — Если хоть с одним, даже самым маленьким, птенцом или с моей смоковницей что-нибудь случится, проклянешь ты тот час, когда впервые увидел длиннохвостого дятла.

Днем на дятлов никто особенно не жаловался, потому что они улетали за кормом или отдыхали,

и если один какой-нибудь начинал стучать, остальные не составляли ему компании, как это бывало по утрам, часа по два подряд. Мой старик любил послушать такого одиночку и говорил, что с ним вроде как веселей. Мама много на этот счет не разговаривала, а только грозила срубить смоковницу, если папа не позаботится прекратить это тук-тук-тук, которое будило нас еще до рассвета.

И вдруг, в одно прекрасное утро, мы услышали такую стукотню за час до восхода солнца, что просто ушам своим не поверили. Точно в стены нашего дома лупили молотками человек сорок — пятьдесят. Мама чиркнула спичкой и посмотрела на часы, стоявшие на камине. Было три часа. Мой старик встал, надел брюки и башмаки и засветил фонарь на заднем крыльце. Потом он вышел во двор и крикнул Хэнсому. Хэнсом спал на сеновале над дровяным сараем. Папа велел ему одеваться и выходить во двор.

— Глаз не дают сомкнуть эти дятлы, — сказал папа Хэнсому. — Пойдем-ка со мной к смоковнице, надо их утихомирить.

Я встал с кровати и выглянул в окно. Смоковница стояла от него шагах в десяти, и при свете фонаря мне все было видно. Хэнсом, волоча ноги, плелся по двору и зевал.

— Хэнсом, — сказал папа, — надо что-то придумать, как-то утихомирить их.

— Что же вы решили придумать, мистер Моррис? — спросил Хэнсом, прислонившись к смоковнице и зевнув еще раз.

— Полеза́й туда, может, они перестанут стучать, — сказал папа.

— То есть как, мистер Моррис? Куда лезть — на эту смоковницу?

— Конечно, на эту, — сказал папа. — Ну, левь сию минуту. Я хочу еще поспать до рассвета.

Хэнсом шагнул назад и стал всматриваться в темноту, которая скрывала верхушку смоковницы. Фонарь освещал ее только до половины, и разглядеть дятлов снизу было невозможно. Мы слышали, как они снизу долбят сухой ствол, и время от времени на землю большими кусками сыпались кора и щепки.

— Мне туда не залезть, — заартачился Хэнсом. — Я не умею лазать на деревья без сучков. Чутьочку поднимешься и опять сползешь вниз, Держаться-то не за что.

— Брось, брось! — сказал папа. — Лишь бы до дятловин долезть, а там будешь цепляться за них ногами, и все пойдет, как по маслу.

Мой старик подтолкнул Хэнсома к смоковнице. Хэнсом обхватил ее руками, меряя толщину ствола. Он постоял так с ней в обнимку и застоялся.

— Мне никогда не приходилось браться за такое дело, мистер Моррис, — сказал Хэнсом, отступая назад. — Я боюсь.

Он посмотрел вверх, в темноту. Нам было слышно, как дятлы что есть мочи наяривают носами по смоковнице. Они долбили с такой силой, что не только само дерево дрожало сверху донизу, но даже стекла у нас в доме и те начали дребезжать.

Мой старик толкнул Хэнсома еще сильнее и заставил его немного подняться вверх по стволу. Хэнсому стоило только начать, а дальше он полез, как белка. Больше я ничего не мог разглядеть, потому что, как только Хэнсом скрылся из виду, папа погасил фонарь. Он сказал, что без фонаря в темноте виднее.

Прошла минута, и наверху все сразу стихло. Дятлы будто передохли там.

— Хэнсом, ну, как дела? — крикнул папа.

Ответа не было. Мы с папой прислушались и слышим, кто-то дышит, как запыхавшаяся собака.

— Хэнсом, ну, что ты там? — крикнул папа.

Сверху, прямо ему на голову, с шумом посыпалась сухая кора.

— Мистер Моррис, — сказал Хэнсом, — сделайте что-нибудь, спасите меня скорее!

— Что случилось?

— Эти дятлы меня долбят, будто я дерево, — сказал Хэнсом. — Неужели вы не слышите, мистер Моррис, как они меня долбят?

— Ничего я не слышу, — сказал папа. — А ты не расстраивайся, Хэнсом. Не обращай на них внимания. Держись крепче, да пугни их еще разок. Все-таки потише стало, когда ты туда залез.

— Это потому, что они не дерево долбят, а меня, мистер Моррис, — сказал Хэнсом. — Я не могу их отгонять, ведь мне надо держаться!

— А ты делай свое дело, не обращай на них внимания, — сказал папа. — Глядишь, они и затихнут.

— Да-а, они меня в затылок долбят. Мне больно, мистер Моррис! Как бы голову не продолбили!

— Что ты чепуху мелешь! — сказал папа. — Сколько лет живу на свете, и никогда не слышал, чтобы птицы долбили людей.

Папа отошел от дерева и направился к заднему крыльцу.

— Ты молодец, Хэнсом, все-таки утихомирил их, — сказал он. — Посиди там еще да посмотри, чтобы они опять не вздумали стучать.

— Мистер Моррис! — заорал Хэнсом. — Куда же вы пошли, мистер Моррис! Не уходите, не

бросайте меня! Ведь я здесь один с этими дятлами!

Папа вошел в дом, и я слышал, как он снял башмаки и швырнул их на пол возле кровати. С верхушки смоковницы доносились стоны Хэнсома. Он постонал-постонал, а потом все стихло. Папа лег и с головой закрылся одеялом.

Как только рассвело, я встал с кровати и подошел к окну. Хэнсом все еще торчал на смоковнице, но в такой позе, что, казалось, он вот-вот сорвется и рухнет вниз. Тут я услышал, что папа тоже встал и одевается. Я поскорее натянул комбинезон и рубашку и побежал за ним во двор.

Мы подошли к смоковнице и увидели, что Хэнсом висит на ней, обхватив ствол обеими руками и ногами. Он торчал там, как огородное пугало, цепляясь большим пальцем правой ноги за дятловину.

Но смешнее всего было то, что дятлы облепили Хэнсома с головы до ног. Несколько штук обсели его макушку и плечи, остальные примостились на руках и ногах. На Хэнсоме сидело не меньше тридцати дятлов.

Вдруг один дятел проснулся и закричал пронзительным голосом. Этот крик разбудил других, и они принялись долбить Хэнсома. Дятлы, должно быть, выбились из сил, заснули, потом проснулись и сразу же вспомнили про Хэнсома. Он вздрогнул и тоже проснулся.

— Мистер Моррис! Мистер Моррис! — заорал Хэнсом. — Где вы, мистер Моррис?

Мы с папой обошли смоковницу кругом и посмотрели на ее верхушку. Дятлы кружили над Хэнсомом, отыскивая на нем местечки повкуснее. Он взмахнул одной рукой, пытаясь отогнать их. Они отлетели на минутку и тут же накиннулись на него с прежним рвением.

— Слезай, Хэнсом, — сказал папа. — Я выспался.

Хэнсом посмотрел на нас сверху. Потом отогнал птиц одной рукой и, отцепившись от дятловины, передвинул большой палец пониже. Он медленно пополз вниз по стволу, не переставая отмахиваться от дятлов.

Как только его ноги коснулись земли, он обмяк всем телом, словно мешок, до половины насыпанный картошкой. Папа подхватил его и помог ему подняться.

— Что это, какой у тебя замученный вид, Хэнсом? — сказал папа.

Хэнсом взглянул на меня и на папу и ничего не ответил. Он не мог говорить от усталости.

В это время мама вышла из-за угла дома. Дятлы кружили над нами, словно не желая расставаться с Хэнсомом. И вдруг один старый дятел, крупный самец с длинным белым хвостом, совсем обнаглел, спустился еще ниже, сел Хэнсому на голову и тут же принялся долбить его в макушку. Хэнсом так взвыл, что его, наверное, в городе услышали.

— Господи помилуй! — крикнула мама. — Взгляните на Хэнсома! Несчастный! Что у него с головой?

Засмотревшись на то, как Хэнсом спускается со смоковницы, мы с папой совсем не обратили внимания на его вид. Все на нем висело ключьями — от комбинезона и джемпера остались одни лохмотья. А всего чуднее была его голова.

На ней красовалось пять-шесть больших круглых плешин, точь-в-точь как дятловины на смоковнице, и на них не было ни единого волоска.

Папа описал круг около Хэнсома, оглядывая его с головы до ног. Потом подошел к нему и пощупал плешины — одну, вторую, третью.

— Надо было отгонять дятлов, Хэнсом, а не дрыхнуть, — сказал папа. — Вот теперь сам виноват. Занимался бы делом, ничего бы такого не было. Тебя не спать туда посылали.

— Вы мне не говорили, что спать нельзя, — ответил Хэнсом. — Вы, мистер Моррис, велели мне залезть туда, и чтобы дятлы больше не шумели.

Мой старик оглянулся и посмотрел на маму. Они ничего не сказали друг другу. Мама постояла-постояла и пошла к кухне. Мы отправились следом за ней, но мама продолжала молчать. Не говоря ни слова, она поставила перед нами тарелки и положила мне две сосиски с овсяной кашей.

7

КАК ХЭНСОМ БРАУН УБЕЖАЛ ОТ НАС

Все утро Хэнсом сновал то в дом, то из дому — колот сосновую лучину, мыл полы, подметал двор веником, и мы хватились его только перед самым обедом, когда мой старик вышел на заднее крыльцо и крикнул Хэнсому, чтобы он взял из курятника два яйца, сбегал в лавку мистера Чарли Тигпена и обменял их на пачку табаку. Папа окликнул Хэнсома раз пять, но он даже после пятого раза не отозвался. Папа решил, что Хэнсом, по своему обыкновению, прячется в сарае и не выходит на зов, рассчитывая увильнуть от работы таким способом. Он обошел все известные потайные местечки Хэнсома, но его нигде не оказалось. Мама, не долго думая, взвалила всю вину на папу. Она сказала, что Хэнсом никогда бы не сбежал от нас, если б папа хоть

мало-мальски сносно с ним обращался и не об- считывал бы его, пользуясь тем, что Хэнсом си- рота, да вдобавок негр и не смеет постоять за себя. Мой старик, Хэнсом и я часто играли в ша- рики, и папа вечно обжуливал Хэнсома и рас- страивал нам игру, отбирая у него весь выигрыш, даже когда мы играли понарошке.

— Да, с таким глупым негром все может случиться, как останется без присмотра. Мало ли злых людей на свете! — сказала мама. — А я-то старалась, чтобы ему хорошо жилось. Нет! Он сам никогда бы от нас не сбежал. Значит, до- вели несчастного!

— Хэнсом не имел никакого права так де- лать, — сказал мой старик. — Довели его, видите ли! Еще чего! И по закону нельзя, чтобы негр вдруг взял да ушел, без всякого спросу. Может, он мне должен!

— Что ты с ним сделал сегодня утром? По- чему он вдруг убежал? — спросила мама.

— Ничего не сделал, — сказал папа. — Во всяком случае ничего особенного.

— Нет, ты что-то сделал, — сказала мама, начиная выходить из себя, и двинулась на моего старика. — Признавайтесь, Моррис Страуп!

— Да он собственно много на что мог обо- злиться, — сказал папа. — Ведь всего, Марта, не упомнишь.

— Так вот, будьте любезны вспомнить, Мор- рис Страуп! — сказала мама. — Если б не вы, Хэнсом Браун никогда бы не убежал.

— Ну... позаимствовал я у него банджо, — медленно проговорил мой старик. — Сначала по- просил дать на время, а он не дает. Тогда я залез на сеновал, где он его прячет, и взял сам.

— Где сейчас банджо Хэнсома? — спросила мама.

— Вот это, Марта, я затрудняюсь сказать, — ответил мой старик, переминаясь с ноги на ногу. — Вчера вечером иду я по улице, держу банджо подмышкой, и вдруг останавливает меня какой-то негр и спрашивает, сколько я хочу за банджо. Говорю: доллар. Мне и в голову не пришло, что он при таких деньгах. А он сразу вынимает из кармана. Ну, что ж, на попятную идти неудобно, ведь я сам цену назначил.

— Пойди разыщи этого негра, и чтобы банджо Хэнсома было здесь, — сказала мама.

— Нет, это я не могу, — отрезал папа.

— Почему? — спросила мама.

— Как же я его найду? — сказал папа. — Я этого негра даже не разглядел в темноте. Да покажи мне хоть миллион негров, я его не узнаю.

Мама так разозлилась, что чуть нехватила моего старика щеткой, только во-время сдержала себя. Ей, верно, не хотелось, чтобы я стоял рядом и слушал, как папу будут отчитывать, потому что она оглянулась и подозвала меня.

— Вильям, — сказала мама, — сию же минуту ступай в город и спрашивай всех подряд, не встретил ли кто Хэнсома Брауна. Не сквозь землю же он провалился! Кто-нибудь да видел его.

— Хорошо, мама, — сказал я. — Сейчас пойду.

Они так и остались есть друг друга глазами на заднем крыльце, а я выбежал на улицу и во весь дух помчался к леднику, куда Хэнсом часто ходил в жаркую погоду полежать на мокрых опилках. Прибежав туда, я спросил хозяина ледника, мистера Гарри Томсона, не видал ли он Хэнсома Брауна, но мистер Томсон сказал, что последние дни Хэнсом здесь не появлялся. Я хо-

тел еще заглянуть с черного хода в рыбную лавку миссис Кэлхун, куда Хэнсом тоже захаживал выпрашивать мелкую кефаль, которая не шла в продажу, как вдруг один из негров, коловших у мистера Томсона лед, сказал мне, что час тому назад Хэнсом прошел мимо их лавки к пустырю, где сегодня утром разбил свои палатки заезжий балаган. О приезде балагана знал весь город, и потому-то мой старик и спустил за доллар банджо Хэнсома. Я слышал, как он просил сначала пятьдесят центов взаймы, но у Хэнсома денег не было, и тогда папа решил, что другим путем в балаганы не попадешь, и продал банджо. Впрочем, он истратил этот доллар, не успев дойти с ним до дому.

Я во весь дух бросился назад, сказать маме, где Хэнсом. Мама с папой все еще стояли на заднем крыльце и бранились. Когда я открыл калитку и вбежал вверх по ступенькам, они сразу перестали говорить друг другу то, что говорили.

— Хэнсом ушел к балаганам! — крикнул я маме. — Он и сейчас там.

Мама на минутку задумалась. Мой старик боком отошел от нее подальше и остановился.

— Моррис, — сказала, наконец, мама. — Так и быть — еще один единственный раз я тебе поверю. Сходи в эти балаганы и приведи Хэнсома домой, пока с ним не случилось что-нибудь ужасное. Если с этим несчастным негритенком стряется беда, господь меня не простит, так мне и помирать с нечистой совестью.

Мой старик зашагал вниз по ступенькам.

— Па, можно мне с тобой? — спросил я.

Но мама не дала ему ответить.

— Ступай с отцом, Вильям, — сказала она. — За ним глаз да глаз нужен.

— Пойдем, сынок! — сказал папа, махнув мне рукой. — Ну, живо!

Мы быстро прошли улицу, пересекли железнодорожное полотно и направились прямо к пустырю, где между балаганами еще росла высокая, по колено, трава.

Палатки были разбросаны по всему пустырю, и перед ними уже толпился народ. У входа в каждую висели большие разрисованные полотнища, а под ними, на подмостках, зазывалы выкрикивали что-то и сами же продавали билеты. Мой старик остановился перед той палаткой, где на полотнище были нарисованы голые женщины.

— У тебя десяти центов не найдется, сынок? — шепнул он мне. — Отдам при первой возможности.

Я мотнул головой и сказал ему, что у меня есть только одна монета в двадцать пять центов, которую я приберег к приезду балаганов на ковбойские скачки.

— Дай, сынок, взаймы, — сказал он, щупая снаружи мой карман. — Я сейчас же верну. Ты и спохватиться не успеешь, есть у тебя деньги или нет.

— Мне хочется посмотреть ковбоев, па, — ответил я и, сунув руку в карман, зажал монету в кулаке. — Не бери, па! Ну, пожалуйста! Я больше двух недель копил.

Человек, который продавал билеты, взял большой желтый рупор и начал кричать в него. Мой старик так и заплясал от волнения, не переставая дергать меня за карман.

— Слушай, сынок, — сказал он. — Из-за чего у нас спор? Из-за чепухи — подумаешь, двадцать пять центов! Когда ты захочешь их потратить, я тебе верну. Ты и хватиться не успеешь,

— Ведь ма велела нам найти Хэнсома, — сказал я. — Пойдем лучше поищем его. Знаешь, какая она, — начнет рвать и метать, если мы не приведем Хэнсома домой.

— Подумаешь, какая спешка, — разыскивать эту негритянскую назолу! — сказал он, хватая меня за локоть и стараясь выдернуть мою руку из кармана. — Я, сынок, дело говорю. Давай деньги без лишних споров. Когда ты просишь то десять центов, то больше, разве я тебе отказываю, если у меня есть что дать? Надо нечестному — теперь ты давай. Ведь мне не надолго.

В балагане заиграла музыка, и человек, продававший билеты, опять взялся за рупор.

— Спешите! Спешите! — закричал он, в упор глядя на моего старика. — Представление начинается! Голенькие танцовщицы — звезды всех стран мира — готовятся к выходу. Пользуйтесь таким случаем, больше он вам не представится. Если не пойдете, будете каяться всю жизнь! Торопитесь, пока есть билеты! Девушки хотят плясать, зачем томить их! Спешите! Спешите! Спешите!

— Слышишь, сынок? — сказал мой старик, изо всех сил дергая меня за руку. — Представление сейчас начнется, и я все прозеваю.

Он выдернул мою руку из кармана и разжал мне пальцы, и я не удержал монету, потому что сладить с ним было трудно. Он сцапал ее, подбежал к человеку с рупором, выхватил у него билет и бросился в балаган. Делать мне было нечего, и я сел на землю и стал ждать своего старика. Музыка в балагане играла все громче и громче, потом я услышал, как там забили в барабан. Прошло минут пять, музыка вдруг смолкла, и кто-то откинул изнутри полы балагана. Оттуда

высыпала толпа мужчин, и позади всех, предпоследним, шел мой старик. Теперь вид у него был гораздо спокойнее, но он попер почему-то прямо вперед и неожиданно для самого себя наткнулся на фонарный столб.

— Па, а где сдача с двадцати пяти центов? — спросил я, догоняя его. — Ты отдашь мне сдачу?

— Потом, сынок, — сказал он, потирая ушибленную щеку. — У меня в кармане она будет целее. Тебе отдай, а ты ее, чего доброго, потеряешь.

Мы пошли между двумя рядами палаток, поглядывая по сторонам, нет ли где Хэнсома. И тут-то мы его и увидели — у самой последней палатки.

— Господи! Что он здесь делает, этот Хэнсом? — сказал папа, останавливаясь и глядя на Хэнсома. Хэнсом стоял за большим куском брезента, высунув голову в круглую дыру, вырезанную посередине. Ядрах в десяти—пятнадцати от него была поставлена скамейка, а на ней лежала груда бейзбольных мячей. У скамейки похаживал человек в красной шелковой рубашке, в руках у него тоже были мячи.

— Три мяча на десять центов, а тому, кто попадет в негра, выдается душистая гаванская сигара, — сказал он. — Подходите, друзья, проверьте свою меткость. Если негр не увернется, сигара ваша.

— Хэнсом, как это ты попал в такую переделку? — крикнул мой старик. — Что случилось?

— Здравствуйте, мистер Моррис! — сказал Хэнсом. — Хэлло, мистер Вильям!

— Хэлло, Хэнсом! — сказал я.

— Тебя привязали? — спросил папа. — Ты что, не можешь уйти оттуда?

— А я, мистер Моррис, вовсе не хочу уходить, — сказал Хэнсом. — Я здесь на службе.

— Что это тебе вдруг приспичило сегодня утром, почему ты удрал?

— Вы, мистер Моррис, сами знаете, почему, — сказал Хэнсом. — Мне у вас надоело — работаешь даром, да еще банджо у тебя отнимают. Мне надоело, когда со мной так обращаются. Но я на вас не сержусь, мистер Моррис.

— Сейчас же вылезай оттуда и марш домой, — сказал папа. — Дома беспорядок, а прибрать некому. Так нельзя — вдруг взял да и ушел.

— А я, мистер Моррис, совсем от вас ушел, — сказал Хэнсом. — Вот спросите у белого, который продает мячи, он вам все объяснит.

Мы подошли к человеку в красной шелковой рубашке. Он протянул нам мячи, но мой старик покачал головой.

— Я пришел за своим негром, — сказал папа. — Вон за тем, который высунул голову в дыру.

Человек в красной рубашке захохотал.

— За своим негром? — оказал он. — Почему же он ваш негр?

— Это Хэнсом Браун, — сказал папа. — Он с одиннадцати лет у нас живет. Я пришел за ним и беру его домой.

Человек в красной рубашке оглянулся и крикнул Хэнсому. — Эй, парень! Ты пойдешь с ним? Хочешь у него работать?

— Нет, сэр! — сказал Хэнсом, мотая головой. — Совсем не хочу. У меня теперь другая служба, я буду получать настоящее жалованье, а не какие-нибудь обноски и всякую там чепуху.

— Молчать, Хэнсом Браун! — крикнул папа. — Тебе столько добра сделали, а теперь ты вот как разговариваешь! Стыдись, Хэнсом!

— Теперь уж ничего не поделаешь, мистер Моррис, — сказал Хэнсом. — Я получаю жалованье и буду работать здесь.

— Не пойдешь домой?

— Нет, сэр, не пойду.

Мой старик вынул из кармана сдачу в пятнадцать центов и положил ее на скамью.

— Сколько полагается мячей за пятнадцать центов? — спросил он.

— Вам сделаю скидку, — сказал человек в красной рубашке, — получайте шесть мячей. Только помните — надо попасть в негра. Если он увернется и мяч пролетит в дыру, это не в счет. Надо угодить в голову.

— Штука нехитрая, — сказал папа, примериваясь к мячу. — Только отойдите, дайте мне размахнуться.

Пока мой старик размахивал правой рукой от плеча, готовясь к броску, точно заправский бейзболист, Хэнсом так вращал глазами, что у него стали видны одни белки.

Наконец папа пустил мяч и угодил Хэнсому прямо в лоб. Хэнсом даже не понял, что собственно произошло. Он плюхнулся на землю и так и остался сидеть, потирая голову, пока человек в красной шелковой рубашке не подбежал к нему посмотреть, что с ним случилось. Потом Хэнсом встал, чуть пошатываясь, и опять сунул голову в дыру.

— Получите сигару, мистер, — сказал человек в красной рубашке. — А вы, оказывается, старый бейзболист! Меткость-то какая!

— Случалось, играли в свое время, — сказал мой старик. — Только теперь уж рука не та.

— Ну-с, посмотрим, как будет со следующим мячом. Может, вам просто повезло с первым?

— Отойдите, дайте размахнуться, — сказал папа.

Он схватил мяч, нагнулся, поплевал на пальцы и опять начал размахивать правой рукой. И вдруг дал такого мяча, что я даже не углядел его в полете. Хэнсом, видимо, тоже проморгал, потому что он и с места не успел двинуться. Мяч хряснул его в левый висок с таким звуком, будто кто-то ударил доской по кипе хлопка. Хэнсом тихо застонал и повалился на землю.

— Слушайте, мистер, — сказал человек в красной рубашке, подбегая к распростертому на земле Хэнсому. — Может быть, хватит? Довольно вам чкалить этого негра. Если и дальше так пойдет, как бы ему не окачуриться.

— Вы дали мне шесть мячей за мои деньги, — ответил папа, — и я имею право все шесть и сыграть. Велите Хэнсому Брауну подняться и сунуть голову в дыру, он за это жалованье получает.

Человек в красной рубашке встряхнул Хэнсома за плечи и помог ему стать на ноги. Хэнсома шатало из стороны в сторону, но он все-таки нагнулся и обеими руками ухватил брезент. Его голсва приходилась как раз по середине дыры.

— Назад! — заорал мой старик на человека в красной шелковой рубашке.

Он развернулся и с такой быстротой послал мяч, что мы и очухаться не успели. Хэнсом повалился навзничь

— Хватит! — крикнул человек в красной рубашке. — Вы убьете этого негра! Я не желаю возиться с мертвыми неграми!

— Пусть идет домой, — сказал папа, — тогда я перестану его чкалить.

Человек в красной рубашке бросился к ведру с водой, схватил его и опрокинул Хэнсому прямо в лицо. Хэнсом дернулся всем телом и открыл

глаза. Он обвел нас троих каким-то странным взглядом.

— Где я? — спросил Хэнсом.

Никто ему не ответил. Мы смотрели на него и ждали, что будет дальше. Хэнсом приподнялся на локте и повел глазами по сторонам. Потом дотронулся рукой до головы и стал ощупывать большие круглые шишки на лбу. Они вздулись с куриное яйцо каждая.

— Я, кажется, дал маху, мистер Моррис, — сказал Хэнсом, глядя вверх на моего старика. — Пожалуй, мне лучше вернуться и работать на вас и на миссис Марту, чем служить здесь, где меня будут чкалить мячами.

Мой старик кивнул и знаком велел ему подняться с земли. Человек в красной шелковой рубашке собрал мячи и понес их к скамье.

Мы отправились втроем домой, взяв напрямик, позади балаганов. Хэнсом молча трусил за моим стариком, чуть не наступая ему на пятки. Время от времени он поднимал руку и ощупывал то одну, то другую шишку.

Когда мы были совсем близко от дома, папа остановился и строго посмотрел на Хэнсома.

— Ну, Хэнсом, кто прошлое помянет, тому глаз вон, — сказал мой старик. — И не вздумай приставать ко мне со своим паршивым банджо.

— Как же так, мистер Моррис! — сказал Хэнсом. — Я без банджо не могу...

— Поговорил и хватит, Хэнсом! Банджо дело прошлое.

— Мистер Моррис! Да вы хоть...

— Кто прошлое помянет, тому глаз вон, а банджо тоже дело прошлое, — сказал мой старик, поворачиваясь и входя через калитку на задний двор.

МОЙ СТАРИК И ТЕЛОЧКА

Однажды мой старик вскочил еще до свету и, не сказавшись ни мне, ни маме, ушел на рыбную ловлю. Он всегда норовил уйти с раннего утра, пока мама еще не встала. Ему было хорошо известно, что стоит только ей проведать о его намерениях, как она упрется на своем и никуда его не пустит. Иной раз он уходил на Терновую речку дня на три, на четыре, и чем лучше был клев, тем дольше он пропадал. Моего старика хлебом не корми, только дай ему посидеть с удочкой.

Бывало, наловит всякой всячины — плотвы, окуней, и прямо с крючка печет их на маленьком костре тут же на берегу. Мой старик говорил, что таскать рыбу домой нет никакого смысла: окуня полагается сначала обвалить в кукурузной муке, а женщины этого не умеют, и оттого ему не нравится домашняя стряпня.

В то утро мама хватилась моего старика за завтраком, но ни слова мне не сказала и сделала вид, будто не замечает, что его нет дома. После завтрака я убежал за сарай и стал помогать Хэнсому Брауну лущить кукурузу и сгребать сено для Иды. Мы пробыли за сараем все утро — кололи сосновую лучину и подсчитывали, сколько можно выручить денег, если набрать побольше железного лома и продать его.

В полдень, когда на лесопилке загудел гудок, мама пришла к нам за сарай и спросила Хэнсома, не знает ли он, куда ушел папа. Я не любил ябедничать на своего старика и промолчал, хотя мне все было известно. Хэнсом уж успел рассказать, что папа звал его на рыбную ловлю.

— Хэнсом Браун, — сказала мама, — отвечай,

когда тебя спрашивают! Где мистер Моррис, Хэнсом?

Хэнсом посмотрел сначала на меня, потом на лучину, которую он колот с раннего утра.

— Он где-нибудь здесь, миссис Марта, — немного погодя сказал Хэнсом и так скошил на маму глаза, что белки у него стали похожи на тарелки.

— Ты, Хэнсом, прекрасно знаешь, что его нигде нет, — сказала мама, топнув ногой. — Нечего мне хвостом вертеть! Стыдись, Хэнсом!

— Миссис Марта, — сказал Хэнсом, взглянув маме прямо в лицо, — я вовсе не верчу вам хвостом.

— Тогда говори, где мистер Моррис!

— Может, он пошел в парикмахерскую, миссис Марта? Я слышал, он говорил, что ему надо постричься.

— Хэнсом Браун, — сказала мама, хватая с земли тоненькую веточку, как она всегда делала, когда ей надоедало ждать ответа, — я хочу знать правду.

— А я и стараюсь говорить правду, миссис Марта, — сказал Хэнсом. — Может, мистер Моррис на лесопилке? Я слышал, он собирался сходить туда за досками для курятника.

Мама повернулась, отошла к калитке и посмотрела на заднее крыльцо. Когда мой старик не брал удочку, она стояла у него в углу крыльца, и мама знала это не хуже других.

— Миссис Марта, — сказал Хэнсом, — мистер Моррис говорил, что ему надо сходить на какой-то выгон посмотреть каких-то телят.

Мама круто повернулась к нам.

— А тогда зачем ему удочка? — спросила она, строго глядя на Хэнсома.

— Может, мистер Моррис передумал и забыл

мне сказать об этом, — ответил Хэнсом. — Может, он решил, что в такую погоду не стоит смотреть телят.

— Врать в такую погоду тоже не стоит, — сказала мама и, открыв калитку, направилась к дому.

Хэнсом вскочил и со всех ног кинулся за ней.

— Миссис Марта, я говорю, как мне мистер Моррис велел. Я сам не стану врать, миссис Марта, вы же знаете! Мне так мистер Моррис велел, а я всегда стараюсь делать, как мне велено. Ну, бывает, что и запутаюсь, если надо говорить правду и туда и сюда.

Мама ушла на кухню и закрыла за собой дверь. Мы долго слышали, как там гремят кастрюльки и сковороды. Потом дверь распахнулась, и мама позвала меня.

— Можешь обедать, Вильям, — сказала она. — Отец тоже мог бы обедать, да только он того не стоит, надо бы его морить голодом всю жизнь.

В эту минуту я взглянул во двор и так и обмер. Торчит над забором голова моего старика — только одни глаза видно! Он стоял там и слушал, стараясь не проронить ни слова. Я толкнул Хэнсома в бок, чтобы он не ляпнул чего-нибудь невпопад и не нажил бы себе беды с моим стариком. Мама догадалась, что за забором кто-то прячется, вышла на крыльцо и привстала на цыпочки. Мой старик мигом спрятал голову, но мама все-таки углядела его. Она пулей вылетела во двор и распахнула калитку, прежде чем папа успел шмыгнуть за сарай. Мама схватила его за лямки комбинезона и поволокла к крыльцу.

— Вильям, — сказала она мне, — сию минуту ступай в комнаты, закрой двери и спусти шторы на окнах. И не смей выходить, пока я тебя не позову.

Я встал и прошел по крыльцу, насколько возможно замедляя шаги. Хэнсом начал пятиться к углу дома, но мама заметила это и вернула его назад.

— Не вздумай удрать, Хэнсом Браун, — сказала она.

Мой старик с довольно глупым видом стоял посреди двора рядом с мамой, которая крепко держала его за ляжки комбинезона. Он покосился в мою сторону. Мне очень хотелось сказать ему что-нибудь, но я боялся мамы, как бы она чего со мной не сделала.

— Ну-с, Моррис Страуп, признавайтесь, — начала она, подтаскивая папу к нижней ступеньке. — Для чего это вы подводите несчастного негра и заставляете его врать?

Мой старик посмотрел на Хэнсома, а Хэнсом посмотрел себе под ноги. Все долго молчали, и я боялся, как бы мама не погнала меня в комнаты, не дав услышать папин ответ.

— Тут, Марта, что-то не так, — наконец сказал мой старик, глядя на маму. — Чтобы я заставлял Хэнсома врать? Да никогда в жизни! Мне это и в голову не приходило.

— Тогда зачем ты велел ему говорить, что идешь смотреть телят, а сам взял удочку и закатился удить рыбу?

Мой старик опять посмотрел на Хэнсома, а Хэнсом ни с того ни с сего уставился на огород.

— Если Хэнсом действительно так говорил, — сказал папа, — то это чистая правда, потому что я там и был и видел замечательных телочек...

Мама очень строго уставилась на него, но смолчала. Она, конечно, не поверила ни одному его слову. Она всегда так смотрела на моего старика, когда злоба мешала ей выговорить все, что у нее было на душе.

Постояв так, мама позвала меня обедать и ушла на кухню.

Мы с папой умылись в тазу, который стоял на полке, вошли в кухню и сели за стол. Мама молча подавала нам, а мы сидели за столом и ели. После обеда мой старик вышел на задний двор и лег у забора, собираясь, по обыкновению, вздремнуть.

Некоторое время все было тихо и мирно. Я поднял случайно голсву и увидел, что Хэнсом делает мне знаки. Тогда я прошел на цыпочках через весь двор и отворил калитку так тихо, что она даже не скрипнула.

Хэнсом повел меня за сарай, шепнул что-то на ухо и показал на сиреневый куст возле курятника. У сиреневого куста стояла красивая телочка — я в жизни таких красоток не видел: маленькая, золотисто-рыжей масти, вся как шелковая и с круглым глянцево-розовым носом. Она стояла в тени, отгоняла мух хвостом и жевала пучок тимOFFеевки. Вид у нее был такой довольный, что дальше некуда.

Мой старик все еще спал по ту сторону забора, и мы боялись, как бы не разбудить его своим разговором. Хэнсом стал объясняться знаками. Не трудно было понять, что телочка нравится ему не меньше, чем мне. Он несколько раз обошел ее, похлопал по заду и почесал ей нос.

Мы все еще гладили телочку и любовались ею, когда на переднем крыльце кто-то постучал в дверь. Я заглянул через забор и увидел, как мама вышла из кухни и, вытирая на ходу руки о фартук, направилась в комнаты. Тогда я выбежал из-за сарая и на цыпочках подобрался к крыльцу, посмотреть, кто это к нам идет.

На нашем переднем крыльце стоял какой-то человек в комбинезоне и в соломенной шляпе.

В эту минуту мама открыла дверь и появилась на пороге.

— Здравствуйте, миссис Страуп, — сказал человек в комбинезоне, снимая шляпу и пряча ее за спину. — Я Джим Уэйд с Терновой речки.

Мама поздоровалась с ним за руку и что-то сказала, но слов ее я не расслышал.

— Я пришел спросить, не попадалась ли вам или мистеру Страупу телка, — сказал мистер Уэйд. — У меня пропала одна сегодня утром, а люди говорили, что не так давно какая-то телка шла к вашему дому.

— Я ничего не знаю, — ответила мама. — Никаких телок я здесь не видела. Мой муж ходил утром на рыбную ловлю, и если б он видел какую-нибудь телку, он бы мне сказал.

Мистер Уэйд оглянулся и посмотрел на улицу.

— Чудное дело! — проговорил он. — А я думал, она здесь и найдется. Мне тут в одной лавке сказали, что незадолго до гудка какая-то телка шла к вашему дому.

Мама все качала головой и говорила, что она за весь день не видела ни одной телки.

— Знаете, миссис Страуп, — сказал мистер Уэйд, тоже качая головой, — все-таки это очень странно. Один мой работник говорил, что какой-то человек прошел сегодня утром по тому участку, где у меня растет тимофеевка, нарвал ее целый пучок и сунул за пазуху. Я тогда не обратил на это внимания, но среди дня второй работник мне говорит, что какой-то человек шел к городу с удочкой на плече, а за ним телка. Он говорил, что этот человек то и дело останавливался, вынимал из-за пазухи тимофеевку и привязывал ее к удочке. Телка так и ушла за ним. А я вскоре ее хватился. Вот почему мне и кажется, что это

очень странно. Просто не знаю, что и подумать. Чудно как-то получается!

Мама, видимо, встревожилась, но ничего ему не сказала.

— Я бы не стал вас беспокоить, миссис Страуп, — продолжал мистер Уэйд, — да мне в городе говорили, что телка шла сюда. Потому я и спросил, не попадалась ли она вам.

Мама простилась с ним за руку и открыла дверь в комнаты. Когда она ушла, мистер Уэйд медленно спустился вниз по ступенькам, озираясь по сторонам. Перед тем как выйти на улицу, он нагнулся и долго смотрел, что у нас делается под домом. Наш дом был построен фута на три на четыре от земли и под ним хватило бы места не только для большой собаки, но, пожалуй, и для козы. Внимательно осмотрев наш подпол, мистер Уэйд выпрямился, отряхнул пыль с колен и пошел дальше.

Я метнулся назад к сараю. Моего старика нигде не было видно. Хэнсом Браун сидел на заборе, спиной к дому, и смотрел куда-то вниз. В эту минуту я услышал, как мама идет по комнатам, громко хлопая дверями, и выскочил в калитку, чтобы не попасться ей на глаза, когда она выйдет на заднее крыльцо.

Я забежал за сарай и вдруг вижу, мой старик стоит под сиреневым кустом и протягивает телочке пучок свежей тимофеевки. Хэнсом попрежнему сидел на заборе, смотрел на них и молчал.

— Красавка, — сказал мой старик, почесывая телочке шею и поглаживая ее по спине.

В эту минуту из калитки выбежала мама. Она как увидела моего старика с телочкой, так и замерла на месте.

— Красавка, — сказал папа, глядя телочку. — Ах ты Красавка!

Тут мама застонала, папа с Хэнсомом обернулись и увидели ее.

— Марта! — сказал мой старик, подходя к сараю и глядя на маму. — Марта, что с тобой? Ты не заболела?

Мама выпрямилась и заплетающимися шагами двинулась к нам.

— Моррис, — слабым голосом проговорила она. — Что ж это, Моррис?

Папа вернулся к телочке и протянул ей пучок тимофеевки.

— Знаешь, Марта, как чудно получилось, — сказал он. — Пошел я утром на Терновую речку, сидел, сидел с удочкой — хоть бы раз клюнуло. Решил, надо уходить, соберусь как-нибудь в другой день. На обратном пути вижу полоску тимофеевки. Трава замечательная! Я взял и нарвал несколько пучков, так она мне понравилась. Потом вышел на дорогу, оглянулся, а за мной идет телочка. Видно, отбилась от стада. Иду дальше — про нее и не думаю, потом уж около самого дома оглянулся еще раз, а она все плетется позади. Подошел к сараю, она за мной. Ну, что ж, думаю, дай-ка угощу ее тимофеевкой, которую я нарвал, потому что уж больно эта трава мне понравилась. Правда, чудно получилось?

Мама подошла к телке и уставилась на нее. Телка ела траву и не обращала на нас ни малейшего внимания.

— Вильям, — сказала вдруг мама, поворачиваясь и глядя на меня. — Ступай в дом, закрой двери и спусти шторы на окнах. И сиди там, пока я тебя не позову.

Если мама так прогоняла меня, значит, собиралась дать хорошую взбучку моему старику. Мне, бывало, не хочется оставлять его одного, когда

мама начинает злиться, но приходилось делать так, как она велит.

Кончив говорить со мной, мама повернулась и посмотрела на Хэнсома, который сидел на заборе. Хэнсом мигом спрыгнул вниз, не дожидаясь окрика.

— Хэнсом, уйди куда-нибудь и сиди там, пока я за тобой не пришлю. — Хэнсом тут же побежал к огороду. — И если тебя будут спрашивать про телку, Хэнсом Браун, чтобы ты и пикнуть не смел, — сказала мама. — А то начнешь врать по своему собственному почину. Держись от людей подальше, пока я за тобой не пришлю. Слышишь, Хэнсом?

— Слышу, миссис Марта, — ответил он. — Я так и сделаю. Я всегда стараюсь делать так, как вы мне велите и как мистер Моррис велит.

Хэнсом ушел на огород, а я спрятался за забором.

— Ну, Моррис Страуп, — начала мама, круто поворачиваясь к моему старику. — Как вы теперь будете оправдываться? Небось, успели придумать какую-нибудь небылицу? Ведь с тех пор как вы свели телку у Джима Уэйда, времени прошло порядочно. А что хуже всего? То, что вы несчастного негра, Хэнсома Брауна, запутали в свои воровские дела да еще заставили его врать!

— Стой, Марта, подожди, — сказал мой старик. — Ты уж очень торопишься. Эта телка сама пришла. Зачем винить меня, если она...

— Зачем винить вас, если вы нарвали чужой травы, привязали ее к удочке и всю дорогу размахивали этой травой перед самым носом у телки, чтобы заманить ее к нам во двор!

Мой старик стоял с довольно глупым видом, должно быть, придумывая, что бы такое отве-

тить, и удивляясь, откуда мама знает про тимофеевку и про все остальное.

Мама очень строго усталилась на него, но больше ничего не сказала. Потом она посмотрела на телочку, которая все еще жевала тимофеевку.

— Телке, видно, понравилось за мной итти, иначе никак этого не объяснишь, — сказал мой старик. — Ты посуди сама, зачем бы ей...

— Как только стемнеет, Моррис Страуп, вы обратаете эту телку и отведете ее назад, на выгон, откуда она украдена. И если вам кто-нибудь встретится по дороге — негр или белый, все равно, — спрячьтесь в кусты и переждите, пока не пройдут. Я не хочу, чтобы люди знали, что вы украли телку и привели ее домой среди бела дня.

Мой старик оглянулся и посмотрел на телочку, а телочка подняла голову и посмотрела на него. Она долго смотрела на моего старика, не переставая жевать тимофеевку.

— А какая она хорошенькая, правда, Марта? — сказал папа, поглаживая телку по носу и по шее — Красавка! Ах ты Красавка!

Телка повернула голову и посмотрела на маму. Минуты через две мама подошла к ней и погладила ее по носу. Телочка смотрела маме прямо в лицо, и мама, видно, тоже не могла отвести от нее глаз.

Они долго стояли так и смотрели друг другу в глаза, а мой старик вынул тем временем из-за пазухи еще одну порцию тимофеевки.

— Красавка, — сказала мама, беря тимофеевку у моего старика и протягивая ее телке. — Как подумаешь, что ее надо отвести на выгон, так даже грустно становится. Будет стоять там, а по ночам холодно, и в дождливые дни тоже не сладко.

Папа сел под куст сирени и стал смотреть на маму и телку. Теперь вид у него был совсем спокойный.

— Красавка, — сказала мама, поглаживая телочку по носу и по шее. — Ах ты Красавка!

9

СВОБОДНЫЙ ДЕНЬ ХЭНСОМА БРАУНА

Сразу же после завтрака мама вышла на улицу и отправилась к миссис Хауард поговорить о собрании сикаморского женского клуба «Прогресс», и последнее ее наставление перед уходом относилось к Хэнсому Брауну, чтобы он перемыл и вытер всю посуду, прополоскал кухонное полотенце и повесил его сушить на солнце, и чтобы все это было сделано до ее возвращения. В тот день Хэнсом считал себя свободным от работы, хотя с тех пор как он поступил к нам одиннадцатилетним мальчишкой, у него не было ни одного свободного дня, потому что каждый раз что-нибудь да мешало ему уйти со двора и проболтаться в городе до вечера. Хэнсом не любил топиться с мытьем посуды, что в будни, что в свой свободный день, — да, по правде говоря, для него все дни были одинаковы, и, зная это, он всегда находил какой-нибудь предлог, чтобы оттянуть мытье посуды как можно дольше. В то утро, сразу же после маминого ухода, Хэнсом объявил, что ему хочется есть, отправился на кухню и сварил себе целую кастрюлю обрезков свиной печени.

Мой старик лежал врастяжку на ступеньках заднего крыльца. Он говорил, что гораздо лучше себя чувствует весь остальной день, если ему

удаётся соснуть утром после завтрака, и пользовался каждым таким случаем. Хэнсом ел печенку не спеша, зная, что после еды надо будет приниматься за мытье посуды. Он все еще сидел у плиты, низко нагнувшись над кастрюлькой, когда на переднем крыльце кто-то постучал в дверь. Так как и папа и Хэнсом были заняты, я сам пошел посмотреть, кто это к нам стучится.

Войдя на передний двор, я увидел совершенно незнакомую девушку лет восемнадцати — двадцати, которая стояла, прижавшись лицом к проволочной сетке двери и заглядывала в комнату. Она держала в руке квадратную рыжую сумку вроде небольшого чемоданчика, шляпы на ней не было, и ее длинные каштановые волосы вились по плечам колечками. Я видел эту девушку первый раз в жизни и сразу же решил, что она, верно, кого-нибудь разыскивает в городе. Я стоял и смотрел на нее до тех пор, пока она не взялась за щеколду, пробуя открыть дверь.

— Вам кого нужно? — спросил я, подойдя к крыльцу и остановившись у нижней ступеньки.

Девушка круто повернулась ко мне.

— Здравствуй, мальчик, — сказала она, подходя к лестнице. — Твой папа дома?

— Па спит на заднем крыльце, — ответил я. — Сейчас я ему скажу.

— Подожди минутку! — крикнула она, сбегала вниз по ступенькам и схватила меня за руку. — Покажи мне, где он. Так будет лучше.

— А зачем вам? — спросил я, удивляясь, откуда она знает моего старика. — Вы, наверное, кого-нибудь ищете у нас в городе?

— Ладно, мальчик, ладно! — улыбнулась она. — Веди меня к нему.

Мы обогнули дом и вошли через калитку на задний двор. При каждом движении девушки

меня так и обдавало запахом духов. Чулки у нее с каждым шагом все больше и больше морщились под коленками. Мой старик спал крепким сном, положив голову на верхнюю ступеньку и широко открыв рот. Он всегда так разваливался, если спал на солнце, и уверял, что в другом положении ему неудобно. Хэнсом стоял в дверях кухни и, глядя на нас сквозь проволочную сетку, ел печенку прямо из кастрюли.

Девушка поставила свой чемодан на землю, подтянула чулки и подошла на цыпочках к ступенькам, где лежал мой старик. Потом присела рядом с ним на корточки и обеими руками закрыла ему глаза. Я увидел, что Хэнсом перестал жевать и замер, не донеся до рта полную ложку печенки.

— Отгадай — кто? — крикнула девушка.

По своему обыкновению, мой старик рванулся в сторону, — это получалось у него само собой, когда мама заставляла его врасплох. Но на этот раз номер не прошел, потому что, как только он приподнялся, девушка, не отнимая рук от его лица, запрокинула ему голову назад. Я видел, как у него заходили ноздри от запаха ее духов, точно у собаки, которая вдруг учует забравшегося на дерево енота.

— Отгадай — кто? — снова крикнула девушка и расхохоталась.

— Уж наверно не Марта! — сказал папа, щупая ее руки от кисти до локтя.

— А ну-ка, еще раз! — не унималась девушка.

Мой старик оттолкнул ее руки и с ошалелым видом приподнялся со ступенек.

— Вот так история! — сказал он. — Да, вы кто такая?

Все еще смеясь, девушка сбежала с крыльца и кинулась к своему чемодану. Мы трое не спу-

скаки с нее глаз, выжидая, что последует дальше, а она тем временем открыла чемодан и вытащила оттуда целую охапку новеньких галстуков. Я такого количества и в магазинах не видел.

Папа потер глаза, прогоняя сон, и уставился на девушку, нагнувшуюся над чемоданом.

— Вот этот будет на вас просто восхитительно! — сказала она, вытаскивая галстук в ярко-зеленую и желтую полоску. Потом подошла к папе и набросила галстук ему на шею. — Он прямо-таки создан для вас!

— Для меня? — сказал папа, принюхиваясь к духам, которыми от нее так и разило.

— Ну, конечно! — сказала девушка, склонив голову набок и оглядывая папу и галстук. — Лучше ничего быть не может!

— Уважаемая! — сказал папа. — Я не знаю, что у вас на уме, но вы только зря время тратите. Мне галстук — все равно, что свинье дамское седло.

— Да вы посмотрите какая красота! — сказала девушка и, сунув остальные галстуки в чемодан, подошла к моему старику вплотную. — Как он идет к вашему цвету лица!

Она опустилась на ступеньки рядом с моим стариком и стала завязывать ему галстук. Они сидели совсем рядышком, и лицо у папы краснело все больше и больше. От ее духов уже нельзя было продочнуть.

— А что вы смыслите в этих делах? — сказал мой старик, и вид у него был такой, словно он сам не понимает, что говорит. — Идет к моему цвету лица? Вот еще новости!

— Давайте посмотрим в зеркало, — сказала девушка, прилаживая ему концы галстука на груди. — Вы только взгляните на себя, и сразу же

убедитесь, что этот галстук вам просто необходим. Как он на вас сидит!

Мой старик скосил глаза и посмотрел на улицу, на тот угол, где стоял дом миссис Хауард.

— Зеркало в комнате, — совсем тихо пробормотал он, чтобы никто больше не слышал.

— Так пойдемте туда, — сказала девушка, потянув его за руку.

Она взяла чемодан и направилась прямо в комнаты. Мой старик шел за ней по пятам. Как только они скрылись за дверью, Хэнсом вышел из кухни, и мы с ним побежали кругом дома к тому окну, в которое все можно было увидеть.

— Ну, что я вам говорила? — сказала девушка. — Ведь, правда, прелесть? На что угодно спорю! У вас еще никогда не было такого галстука.

— Пожалуй, верно, — сказал папа. — Хорош галстук. И, по-моему, я в нем очень выигрываю, а?

— Ну, еще бы! — сказала она, заходя моему старику за спину и глядя в зеркало через его плечо. — Дайте, я завяжу как следует.

Она стала перед моим стариком и затянула узел галстука потуже. Потом положила руки ему на плечи и улыбнулась. Мой старик отвел глаза от зеркала и уставился на нее. Хэнсом беспокойно затоптался на месте.

— Миссис Марта того и гляди вернется домой, — сказал он. — Я бы поостерегся, на месте вашего папы. Может выйти большой скандал, если миссис Марта вернется домой и увидит, как он стоит там и валяет дурака из-за какого-то паршивого галстука. И как это я посуду не вымыл! Ушел бы гулять до ее прихода. Давно бы у меня был свободный день!

Мой старик нагнулся над головой девушки, потянул ноздрами и обнял ее за талию.

— Сколько вы за это хотите? — спросил он.

— Пятьдесят центов, — ответила она.

Папа замотал головой.

— Нет у меня таких денег, — грустно сказал он.

— Ну, ну, не скупитесь, — сказала девушка, тряхнув его за плечи. — Подумаешь, велики деньги!

— Да у меня их нет, — сказал папа, обнимая ее покрепче. — Нет и нет!

— А достать где-нибудь можно?

— Трудновато.

Хэнсом застонал.

— И дался же ему какой-то паршивый галстук! — сказал он. — Все равно ничего хорошего из этого не выйдет. Что-нибудь да стряется, я это нутром чувствую. Вот всегда так — как где какая беда, я обязательно первый в нее влопаюсь. И почему мой свободный день не начался, пока этих галстуков здесь и в помине не было!

Девушка обняла моего старика за шею и прижалась к нему всем телом. Так они стояли долго-долго.

— Может, мне удастся раздобыть где-нибудь полдоллара, — сказал, наконец, мой старик. — Я как раз об этом и думаю. Пожалуй, раздобуду.

— Хорошо, — сказала девушка, снимая руки с его плеч и отступая назад. — Только поскорее.

— А где вы будете меня ждать — здесь? — спросил он.

— Ну, конечно. Только не пропадайте надолго.

Мой старик попятился к двери.

— Ждите здесь, — сказал он. — Никуда отсюда не уходите. Я мигом вернусь.

Ровным счетом через минуту мой старик выскочил на заднее крыльцо.

— Хэнсом! — крикнул он. — Хэнсом Браун!

Хэнсом так застонал, словно у него душа с телом расставалась.

— Что вам от меня нужно в мой свободный день, мистер Моррис? — спросил он, высунув голову из-за угла дома.

— Что нужно, то и нужно, — ответил папа, сбегая вниз по ступенькам. — Пойдем со мной. Ну, живо!

— Мистер Моррис, а что мы будем делать? — сказал Хэнсом. — Миссис Марта велела мне перемыть всю посуду на кухне до ее прихода. А раз она так велела, я ничего другого делать не могу.

— Подождет твоя посуда, — сказал мой старик. — Все равно, как поедим, так она опять будет грязная. — Он схватил Хэнсома за рукав и поволок его на улицу. — Пошевеливайся! Слушай, что тебе говорят!

Мы шли по улице, а Хэнсом трусил следом за нами, стараясь не отставать. Мы поравнялись с домом мистера Тома Оуэна и завернули к нему во двор. Мистер Оуэн окапывал мотыгой свой огород.

— Том! — крикнул папа, подойдя к изгороди. — Я решил отпустить к тебе Хэнсома на весь день, как уговаривались. Пусть сразу же и принимается за работу.

Он втолкнул Хэнсома в калитку и быстро повел его между грядками с капустой и репой к мистеру Оуэну.

— Дай ему мотыгу, Том, — сказал папа, отнимая ее у мистера Оуэна и всовывая Хэнсому в руки.

— Как же так, мистер Моррис! Вы разве забыли, что у меня сегодня свободный день? — сказал Хэнсом. — Я вовсе не хочу копать какой-то паршивый чертополох.

— Ты, Хэнсом, помалкивай, — сказал папа и, повернувшись, тряхнул его за плечо. — Знай свое дело!

— Я, мистер Моррис, знаю свое дело, — сказал Хэнсом. — У меня сегодня свободный день — вот какое мое дело.

— У тебя вся жизнь впереди, успеешь нагуляться, — ответил папа. — Ну, нечего! Делай, как тебе велено.

Хэнсом поднял мотыгу и опустил ее на куст чертополоха. Но чертополох был такой жилистый и крепкий, что мотыга отскочила от него по крайней мере на фут.

— Ну, Том, — сказал папа, поворачиваясь к мистеру Оуэну, — теперь давай мне пятьдесят центов.

— До конца дня ничего не дам, — сказал мистер Оуэн, покачав головой. — А вдруг он не наработает на полдоллара? Пожалуй, заплатишь вперед, а там выяснится, что он не стоит таких денег. Это только себе в убыток.

— На этот счет можешь не беспокоиться, — сказал папа. — Уж я позабочусь, чтобы деньги ты платил не зря. Буду заходить сюда время от времени и поглядывать за Хэнсомом. Пусть работает на совесть.

— Мистер Моррис, я извиняюсь, — сказал Хэнсом, глядя на папу.

— Ну, что тебе, Хэнсом? — спросил мой старик.

— Я не хочу мотыжить этот паршивый чертополох. Я хочу, чтобы у меня был свободный день.

Папа строго посмотрел на Хэнсома и показал ему носком башмака на мотыгу.

— Ну, Том, выкладывай пятьдесят центов, — сказал он.

— Да что тебе так приспичило? Еще ничего не заработано, а деньги ему подавай!

— Есть одно неотложное дело. Ты мне заплатишь, а я...

Мистер Оуэн посмотрел, как Хэнсом ковыряет чертополох мотыгой, потом запустил руку в карман комбинезона и вытащил оттуда целую пригоршню гвоздей, винтиков и мелких монет. Он долго рылся во всем этом и, наконец, набрал полдоллара пятью- и десятицентовыми монетами.

— Если этот негр будет плохо работать, первый и последний раз я его нанимаю, — сказал он папе.

— Жалеть не станешь, — ответил папа. — Я такого работяги, как Хэнсом Браун, в жизни своей не видывал.

Мистер Оуэн дал папе деньги, а все остальное ссыпал с ладони в карман. Мой старик получил свои пятьдесят центов и тут же зашагал к калитке.

— Я извиняюсь, мистер Моррис, сэр, — начал Хэнсом.

— Ну, что еще, Хэнсом? — крикнул папа. — Ты разве не видишь, я занят?

— Можно, я уйду пораньше? Мне бы хоть немножечко урвать от свободного дня.

— Нет! — крикнул папа. — И хватит приставать. Ты когда-нибудь видел, чтобы я брал себе свободные дни?

Мой старик так торопился, что больше никому ничего не сказал, даже мистеру Оуэну. Он бегом кинулся по улице и на всех парах влетел в дом. И запер за собой дверь изнутри.

Девушка сидела на кровати, складывала галстук за галстуком и прятала их в чемодан. Когда папа вбежал в комнату, она подняла голову и посмотрела на него.

— Вот деньги! Ведь говорил, достану! — крикнул папа. Он сел рядом с девушкой на кровать и ссыпал монеты ей в ладонь. — И мигом достал!

Девушка положила монеты в кошелек, свернула еще несколько галстуков и подтянула чулки на коленках.

— Вот, получите, — сказала она и, взяв с кровати галстук в ярко-зеленую и желтую полосу, сунула его папе в руки. Галстук упал на пол к его ногам.

— А вы разве не хотите... — удивленно проговорил папа, глядя на нее в упор.

-- Что не хочу? — выпалила она. Мой старик смотрел на нее, широко открыв рот. Девушка нагнулась над кроватью, собрала последние галстуки и положила их в чемодан.

— А я думал, вы опять его на мне завяжете, — медленно проговорил папа.

— Слушайте, — сказала она. — Вещь продана. Что вам еще нужно за ваши пятьдесят центов? Мне надо весь город обойти до вечера. Как, по-вашему, много я наторгую, если буду завязывать всем галстуки, после того как они проданы?

— А я... я думал... — запинаясь, пробормотал мой старик.

— Что вы думали?

— Я думал... может, вам опять захочется повязать его мне на шею...

— Ах, так! — засмеялась девушка.

Она встала и захлопнула крышку чемодана. Мой старик попрежнему сидел на кровати и смотрел, как она берет свой чемодан и выходит из комнаты. Хлопнула парадная дверь, и мы услышали быстрые шаги вниз по ступенькам. Ровным счетом через минуту девушка подошла

к дому мистера Оуэна и завернула к нему на двор.

Мой старик долго сидел на кровати, глядя на полосатый галстук, валявшийся на полу. Потом встал, с размаху отшвырнул его ногой в дальний конец комнаты, вышел на заднее крыльцо и опустился на ступеньки, где ему было так удобно спать, развалившись на солнышке.

10

МОЙ СТАРИК НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ПОСТУ

Мы сидели после ужина на переднем крыльце, когда Бен Саймонс появился на нашей улице и завернул к нам во двор. Мой старик был не в духе весь вечер и говорил мало, хотя я слышал, как он то и дело бормочет что-то себе под нос. Все началось еще утром, когда мама налетела на него с попреками, что он сидит без дела и даже не желает поискать хоть какую-нибудь работу. Она носилась за ним по всему двору и все шпыняла его, что ей без конца приходится стирать и гладить на людей, а он в кои-то веки принесет деньги в дом. Под конец мамини попреки проняли моего старика, и он заявил: ладно, уж если на то пошло, возьму и заработаю сколько ни сколько и докажу, на что я способен, когда меня доймают. И сейчас же послал меня с Хэнсомом собирать заказы на ежевику. Он велел нам собрать как можно больше заказов, вернуться домой и подсчитать, сколько это будет галлонов. Мы с Хэнсомом весь день шатались по городу из дома в дом и спрашивали, не нужно ли кому свежей ежевики. Желающих нашлось много, так как цена

была дешевая, принимая во внимание, что мы обещали очистить ягоду и обобрать с нее муравьев. Мой старик уже подсчитал в уме будущую выручку: если продать двадцать пять галлонов по двадцать пять центов за галлон, это даст шесть долларов с лишним. Он сказал, что недурно заработать такую сумму за один день, и, когда мама увидит эти деньги, она, конечно, удивится и возьмет назад все те обидные слова, которые были сказаны сегодня утром на заднем дворе. К концу обхода мы с Хэнсомом набрали заказов на двадцать галлонов, с обязательством доставить ежевику на следующий день к ужину. Когда мы вернулись домой и сказали, что заказано только двадцать галлонов, папа немного разочаровался: он рассчитывал не на какие-то жалкие пять долларов, а на шесть с лишним. Впрочем, для одного дня и такого заработка было вполне достаточно, и папа велел нам с Хэнсомом встать утром чем свет и идти за город собирать ежевику. Мама как услышала об этом, так сразу же вскипела и наотрез отказалась отпустить нас. Она заявила моему старику, что не позволит мне с Хэнсомом гнуть спину и рвать ежевику ему на продажу, и добавила еще, что двадцать галлонов, пожалуй, и за неделю не соберешь. Папа упрекнул маму, что она вечно идет ему наперекор, и за ужином они не обмолвились ни словом. Потом мы вышли на переднее крыльцо, и мой старик начал бормотать что-то себе под нос. Он все еще не прекратил своего бормотанья, когда к нам во двор вошел шериф, Бен Саймонс.

— Добрый вечер, друзья, — сказал Бен, поднимаясь по ступенькам.

— Здравствуй, Бен, — сказал папа. — Заходи, присаживайся.

Мама сидела молча. Она относилась с недове-

рием к таким «политическим деятелям», как Бен Саймонс, и прежде всего старалась разузнать, чего им надо.

— Хороший сегодня вечер, правда, миссис Страуп? — сказал Бен, нащупывая в темноте стул.

— Ничего себе, — сказала мама.

Потом все замолчали. Бен несколько раз откашлялся. Он хотел сказать что-то, но, видимо, боялся открыть рот.

— Ну как, Бен, работы много? — спросил папа.

— Конца края не видать, Моррис! — тут же ответил Бен, словно он только и ждал, чтобы ему дали возможность начать разговор. — Просто ни минуты покоя, присесть некогда. Соснешь немножко, перекусишь чего-нибудь на ходу, а все остальное время знай работай с раннего утра и до позднего вечера. Третьего дня жена говорит: ты себя на двадцать лет раньше в могилу сведешь, если будешь так маяться. Дежурить по городу — я, аресты производить — я, следить за тюрьмой, чтобы там поддерживали чистоту и чтобы побегов не было, — тоже я. Да мало ли у меня дел! Вконец измучился, Моррис!

— Может, тебе помощник нужен? — спросил мой старик. — Вот, скажем, я. Кое-когда у меня бывает свободное время. Правда, редко, потому что своих дел порядочно, но если тебе нужна помощь, часок урвать можно.

Бен подался всем телом вперед.

— Признаться, Моррис, я за тем и пришел, — сказал он. — Очень рад, что ты сам это предлагаешь.

— Бен Саймонс, — вдруг заговорила мама. — Я не знаю, что у вас на уме, но не вздумайте опять втравить Морриса в какие-нибудь грязные

делишки. Довольно с меня ваших афер вроде продажи семейных раздвижных гробов! Ни один человек в здравом уме не захочет, чтобы его гроб открывали и приделывали к нему отделения для новых покойников.

— Нет, миссис Страуп, сейчас речь идет совсем о другом, — сказал Бен. — Я имею в виду один политический пост.

— Какой политический пост? — спросила мама, остановив качалку и выпрямившись.

— Дело вот в чем, — сказал Бен. — Вчера вечером муниципальный совет вынес постановление вести борьбу с бродячими собаками. Третьего дня я сам гонялся за одной, бешеной, и в конце концов пристрелил ее. В муниципалитете решили, что это становится опасным. Мне велено опубликовать соответствующее постановление и очистить улицы от бездомных собак. Я им заявил напрямик, что мне впору со своими делами справиться, и тогда они постановили назначить обследователя по вопросу о всех животных, которые бродят без присмотра.

— Обследователя бродячих животных? — сказала мама, вставая с качалки. — Вы что же это, Бен Саймонс, намекаете, что мой муж такой человек, которому в самый раз заниматься ловлей собак? Смотрите, как бы я не попросила вас удалиться из моего дома!

— Подождите, миссис Страуп! — жалобным голосом проговорил Бен. — Прежде всего я тут ни при чем. Это предложил один из членов муниципалитета. Он сказал, что Моррис самый подходящий кандидат на этот пост, и они постановили...

— Действительно, собаки вечно за мной увязываются, — сказал мой старик. — Я всегда это замечал. Нравлюсь я им, что ли...

— Замолчи, Моррис! — закричала на него

мама. — Это позор! Первый раз в жизни такое слышу!

— Миссис Страуп! — сказал Бен. — Мало ли знаменитых политических деятелей начинали с ловли собак! Да уж если на то пошло, так большинство известных сенаторов, членов конгресса и шерифов начинали свою политическую карьеру именно с этого. Вряд ли вы найдете хоть одного крупного политика, который не занимался бы ловлей собак.

— Не может этого быть! — сказала мама. — Я всегда была лучшего мнения о политических деятелях.

— Политика странная вещь, — сказал Бен. — То, что во всяком другом деле обязательно, к ней никаким боком не подходит. Политический деятель начинает свою карьеру, ну, допустим, собаководом, а не успеешь оглянуться, и он уже перемарнул через это. Такое уж дело — политика.

Мама молчала, и я слышал, что ее качалка снова начала поскрипывать. Она, видно, крепко задумалась над словами Бена.

— Чем больше я размышляю, — заговорил мой старик, — тем больше мне это нравится. Я уж давно подумываю, что надо бы побольше заниматься всякими общественными делами. А то живешь со дня на день, тут чего-то покропал, там с чем-то провозился — что хорошего?

— Тогда, Моррис, ты должен занять этот пост, — быстро проговорил Бен. — Для тебя лучше ничего быть не может. Соглашайся!

Мой старик сидел тихо и всматривался в мамино лицо. Она все раскачивалась взад и вперед, и качалка поскрипывала с той же равномерностью, с какой вода каплет из крана.

— Ну, что ж, — медленно начал папа, стараясь разглядеть маму в темноте. — Пожалуй,

надо соглашаться. — Он помолчал, выжидая, что она скажет. Мама не обратила ни малейшего внимания на его слова. — Я принимаю этот пост.

Бен встал.

— Вот и прекрасно, Моррис! — быстро проговорил он и направился прямо к ступенькам. — Прекрасно! Очень рад это слышать. Завтра я тебя жду. Приходи с утра, сразу же после завтрака.

Бен зашагал вниз по ступенькам. Когда он был уже внизу, мой старик вдруг сорвался с места и окликнул его.

— Бен, — с тревогой в голосе сказал он, подбежав к нему, — а какое мне положат жалованье?

— Жалованье?

— Ну да, жалованье, — сказал папа. — Сколько я буду получать за обследование вопроса о бродячих животных?

— Собственно говоря, — медленно проговорил Бен, — это будет не жалованье.

— А что же? Как это называется?

— Это, Моррис, называется — гонорар.

— Гонорар?

— Да, Моррис. Так оплачивается большинство самых видных политических постов. За них получают гонорар.

— А какой гонорар дадут мне? — спросил папа.

— По двадцать пять центов с каждой пойманной собаки.

Мой старик ничего на это не ответил. Он стоял, глядя на темную улицу. Бен осторожно отошел от него.

— По правде говоря, для меня это несколько неожиданно, — сказал папа, — потому что я уже настроился получать жалованье по субботам.

— Да ведь гонорар тем и хорош, Моррис, что

от тебя самого зависит, сколько ты заработаешь. С жалованьем как: что положено, то и дадут, на большее не рассчитывай. А когда платят гонорар, — только не ленись, загребай деньги.

— А ведь правда! — сказал мой старик, сразу повеселев. — Я как-то об этом не подумал.

— Значит, до завтра, — сказал Бен, выходя на улицу. — Спокойной ночи!

— Спокойной ночи, Бен! — крикнул папа ему вслед. — Спасибо тебе!

Мы поднялись на крыльцо. Мамы там уже не было, она ушла спать.

— Давай, сынок, выспимся как следует, — сказал мне папа. — День будет хлопотливый. Надо получше отдохнуть. Пойдем.

Мы вошли в комнаты, разделись и легли спать. Мой старик долго возился и ворочался с боку на бок, и я, засыпая, все еще слышал, как он говорил сам с собой и вспоминал всех собак, которых знал по кличкам.

На следующее утро папа сразу же после завтрака взялся за шляпу, и мы отправились в город разыскивать Бена Саймонса. Нам не хотелось задерживаться по дороге, но мой старик все-таки велел мне взять на заметку гончую Спарки, которая спала на переднем крыльце у мистера Фрэнка Бина.

Бен Саймонс отыскался в парикмахерской. Когда мы вошли туда, все лицо у него было в мыльной пене, и он не мог разговаривать с нами. Но потом Бен выпрямился и помахал нам рукой.

— С добрым утром, Моррис, — сказал он. — Ну как, готов приступить к работе?

— Прямо не терпится, Бен, — ответил папа.

— Сейчас я освобожусь, — сказал Бен.

Встав с кресла и надев шляпу, он велел папе пройтись по городу, загнать всех собак, бегающих

по улицам без присмотра, и запереть их в большом подвале под тюрьмой.

— И это все? — спросил папа.

— Все. Больше ничего не требуется, — ответил Бен.

Мы не спеша направились в другой конец города, стараясь, как бы не прозевать какую-нибудь собаку. Они, должно быть, все спали в это время дня, потому что на улицах нам не попалось ни одной. Так прошло полчаса, и вдруг папа сунул руку в карман и вынул десять центов.

— Вот, сынок, — сказал он, протягивая мне монету, — сбегай в мясную и возьми самый большой кусок мяса, какой дадут за десять центов. За свежестью не гонись — главное, чтобы было побольше.

Я побежал в лавку, купил там большой кусок мяса и вернулся к магнолии, в тени которой мой старик остался ждать меня. Задремать ему было недолго, но когда я тряхнул его за плечо и показал мясо, он вскочил как ни в чем не бывало.

— Теперь, небось, обратят на нас внимание, — сказал он, нюхая мясо. — Пойдем, сынок.

Мы свернули на другую улицу, и мой старик шел, помахивая мясом из стороны в сторону. Ровным счетом через минуту мы оглянулись и увидели пятнастого легаша, который бежал за нами, принюхиваясь к мясу.

— Только это и требовалось, — сказал мой старик. — В таких случаях без куска мяса не обойдешься.

Он свистнул легашу, тот наострил уши и припустился побыстрее. Скоро еще чья-то собака учуяла мясо и тоже увязалась за нами. К тому времени, когда мы подошли к железнодорожному полотну, за нами бежало семь собак. Папа остался очень доволен этим и велел мне идти вперед

и открыть дверь тюремного подвала. Он ввел туда собак и быстро выскочил на улицу, не дав им ухватить мясо.

— Еще одна такая прогулка, и верных два доллара в кармане, — сказал мой старик. — Как будто пустяк — прошелся по одной улице, свернул на другую, а заработок солидный. Теперь мне понятно, почему люди так увлекаются политической деятельностью. Да я такую работу ни на что другое не променяю. Оказывается, это лучший способ заработать.

Мы прошли с куском мяса еще по одной улице, и в первом же квартале за нами увязался чей-то спаньель, выскочивший из-под дома. На обратном пути в хвосте у нас плелось пять собак. Мы прошли и около дома мистера Фрэнка Бина, специально чтобы дать возможность Спарки понюхать мясо и отправиться следом за нами. Когда и эти собаки были заперты в подвал, мой старик присел на землю и стал выписывать спичкой цифры на песке.

— Уже больше трех долларов, сынок, — сказал он, отбрасывая спичку в сторону. — Громадный заработок за такой короткий срок. Завтра, если дела пойдут не хуже, у нас будет шесть долларов. В субботу к вечеру догоним до восемнадцати, а то и до двадцати. Я уж и надеяться перестал, что у меня когда-нибудь будут такие деньги. Ну, пошли обедать. Сейчас уже за полдень.

Мы вернулись домой и сели к столу, но мама ни слова нам не сказала, а мой старик не смел заговаривать первый. Когда обед кончился, мы вышли во двор, посидеть в тени под сиренью.

Примерно через час я увидел Бена Саймонса, который быстро шел по нашей улице. Мой старик спал, но я разбудил его, думая, что Бен идет по

важному делу. Бен увидел нас под сиренью и быстро зашагал к нам.

— Моррис, — сказал он, еле переводя дух, — откуда ты набрал всех этих собак, которые сидят сейчас в тюрьме?

— Каких собак?.. Ах, этих! — сказал мой старик, приподнимаясь на локте. — Загнал с улицы, как и полагалось. Такая моя обязанность — сажать под замок всех животных, которые бродят без присмотра. Чистая случайность, что это были одни собаки, а не коровы, лошади или еще кто-нибудь.

— Да ведь ты засадил туда призового легаша нашего мэра, мистера Фута! — волнуясь, сказал Бен. — Миссис Джози Хендрикс тоже заявила о пропаже своего спаньеля, и я нашел его в тюрьме вместе с остальными собаками. Лучшая гончая мистера Бина тоже там. У всех этих собак есть хозяева, и за всех заплачено два доллара налога. Нельзя же ловить тех, за которых хозяева исправно вносят налоги!

— Они бегали по улицам без присмотра, — сказал папа. — Я раза два прошелся по городу, смотрю: видимо-невидимо бездомных собак. Моя обязанность ловить их, вот я и словил.

— Как же ты ухитрился загнать их в тюрьму?

— Привел туда, и все. Собаки всегда за мной увязываются. Я еще вчера об этом говорил.

— Уж ты не заманил ли их чем-нибудь?

— Да нет, я бы этого не сказал, — ответил мой старик. — Впрочем, теперь припоминаю — у меня был маленький кусочек мяса.

— Так я и думал, — сказал Бен, снимая шляпу и вытирая лицо носовым платком. — Я чувствовал, что тут дело неладно.

Они долго молчали. Потом Бен снова надел шляпу и посмотрел вниз на моего старика.

— Знаешь, Моррис, лучше уж я сам займусь собачьим вопросом, — сказал Бен. — У тебя, пожалуй, нехватит времени на это.

— А как насчет гонорара? — спросил папа. — Три доллара. Ведь я их заработал?

— Да не знаю, как тебе сказать, — ответил Бен. — Вряд ли муниципальный совет согласится теперь платить. Если мы предъявим счет на три доллара, мэр, пожалуй, выгонит меня со службы, — скажет, как это ты допустил, чтобы моего призового легаша загнали. Я давно понял, что в политике самое важное — не наступать друг другу на мозоли. Это, брат, считается последнее дело. Давай лучше оставим все, как было. Я, Моррис, не могу терять из-за тебя место.

Мой старик мотнул головой и снова лег, привалившись затылком к кусту сирени.

— Что ж, пожалуй, ты прав, Бен, — сказал он. — Оказывается, политика такое занятие, на которое надо ухлопывать все свое время, а меня это не устраивает. С такой работой только свяжись, минуты свободной не будет!

11

КАК МОЙ СТАРИК ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ

Около полуночи залаяли собаки, и мама встала посмотреть в окошко. Была вьюжная ночь, недели за две до рождества. После ужина ветер немного утих, но время от времени все еще посвистывал в застрехах. В такую ночь хорошо лежать в кровати под ворохом теплых одеял.

В прихожей горела лампа, — мы всегда оставляли одну лампу гореть на всю ночь. А в комнате

мама не зажигала огня. Из темной комнаты лучше было видно, что делается на дворе.

Она долго ничего не говорила. Собаки поворачивали немного, а потом опять залаяли. На ночь мы их не спускали с цепи, а то они перекусили бы всех прохожих. И моему старику повезло: они загрызли бы и его, как и всякого, кого не знали по запаху. Мой старик так давно не был дома, что мог сойти за чужого. Последний раз он заходил домой летом, и то минут на пять. Он хотел взять штаны, которые прошлой зимой оставил на гвозде в дровяном сарае.

— Ну да, конечно, он, — сказала мама, постукивая дверным ключом по подоконнику. Злилась она не больше, чем всегда, но и этого было довольно. Когда она стучала дверным ключом по чему-нибудь деревянному, все уже знали, в каком она расположении духа.

Вдруг раздался грохот, точно пароконная фура проехала по дощатому мосту. Потом весь дом затрясся от удара, словно кто-то вышибал кузнечным молотом фундамент из-под дома.

Это мой старик в темноте пробовал, выдержат ли его крыльцо и ступени. Возвращаясь домой, он всегда боялся, что ему подстроят ловушку—например, подпилят половицы, и он провалится под крыльцо и застрянет там, а мама будет тыкать в него метлой или еще чем-нибудь.

— Который уж раз он вот так приходит, — сказала мама. — Ишь повадился! Просто тошно мне делается от этого.

— Можно, я встану? Мне хочется посмотреть на него, — сказал я. — Можно, ма? Пожалуйста.

— Лежи спокойно, Вильям, и накройся с головой одеялом, — сказала мама и опять постучала дверным ключом по подоконнику. — Нечего тебе на него глядеть, радости от этого мало.

Я встал на четвереньки и натянул одеяло на голову. Когда, по моим расчетам, мама перестала глядеть в эту сторону, я немножко сдвинул одеяло, чтобы мне все было видно.

Входная дверь распахнулась, и верхние стекла в ней чуть не вылетели. Моему старику всегда было наплевать на стекла и мебель и вообще на все в доме. Как-то раз он пришел домой и разнес вдребезги мамину швейную машинку, так что ей очень долго пришлось копить деньги на ремонт.

Я и не подозревал, что мой старик способен поднять такой грохот. Казалось, что он топчет в прихожей, примериваясь, не удастся ли ему втоптать половицы прямо в землю. Все портреты на стенах дрожали, некоторые съехали набок. Даже большой портрет бабушки, и тот перекосялся.

Мама повернула выключатель и подошла к камину, чтобы раздуть огонь. В камине было еще много жару под золой; угли ярко разгорелись, когда мама помахала на них газетой и подложила лучину. Как только лучина вспыхнула, мама подкинула два-три чурбака и села спиной к огню, дожидаясь, когда мой старик войдет.

А он все громыхал, словно отшвыривая ногой все стулья в дальний угол, к кухонной двери. Вдруг он перестал громыхать и заговорил с кем-то, кто пришел вместе с ним.

Мама поскорее встала и надела халат. Мимходом она взглянула на себя в зеркало и поправила волосы. Она никак не ожидала, что он кого-то приведет с собой.

— Вильям, накройся с головой, как я тебе велела, и спи, — сказала мама.

— Я хочу посмотреть на него, — просил я.

— Не спорь со мной, Вильям, — сказала она, топнув босой ногой. — Тебе велено спать, ну и спи.

Я накрылся одеялом, только сдвинул его так, что мне все было видно.

Дверь в прихожую чуть-чуть приоткрылась. Я опять встал на четвереньки, чтобы мне лучше было видно. Тут мой старик пнул дверь ногой. Она с размаху ударилась об стену, стряхнув столько пыли, что просто удивительно, откуда она там взялась.

— Что вам здесь нужно, Моррис Страуп? — сказала мама, скрестив руки на груди и глядя на него в упор. — Что вам теперь понадобилось?

— Входи и располагайся как дома, — сказал мой старик, оборачиваясь и за руку втаскивая кого-то в комнату. — Не робей, я здесь хозяин.

Он втащил в комнату девушку, ростом вдвое меньше мамы, и стал подталкивать ее, пока они оба не очутились у маминой швейной машинки. Мама, наблюдая за ними, поворачивалась во все стороны, словно флюгер.

Не очень-то весело было смотреть на моего старика, такой он был пьяный, так он шатался, а мама так злилась, что слова не могла выговорить.

— Скажи «здрассе», — велел он девушке.

Она ничего не сказала.

Мой старик положил руку ей на затылок и нагнул ей голову. Так он сделал несколько раз, заставляя ее кланяться маме, а потом и сам стал кланяться, а потом они стали кланяться вместе. Они кланялись так долго, что голова у мамы сама собой стала дергаться вверх и вниз.

Тут я, должно быть, громко фыркнул, потому что мама на минуту опешила, а потом повернулась и села у камина.

— Это кто? — спросила мама, и видно было, что ей очень хочется это знать. Она даже перестала злиться. — Кто это, Моррис?

Мой старик так плюхнулся на стул, что чуть не продавил сиденье.

— Это? — сказал он. — Это Люси. Теперь она за мной смотрит.

Он повернулся и увидел, что я стою на четвереньках под одеялом.

— Здорово, сынок! — сказал он. — Как живешь?

— Хорошо, — сказал я, весь съежившись на четвереньках и стараясь придумать, что бы мне сказать такое, чтобы он понял, как я ему рад.

— Все растешь, сынок? — сказал он.

— Как будто вырос немножко, — ответил я.

— Вот и хорошо. Так и надо. Продолжай в том же духе, сынок. Ты и оглянуться не успеешь, как станешь мужчиной.

— Па, я...

Тут мама схватила большую щепку и запустила ею в папу. Щепка пролетела мимо и ударилась в стену за его спиной. Мой старик вскочил с кресла и заплясал по всей комнате, словно щепка угодила в него, а не в стену. Так он вертелся, пока ноги у него не подкосились и он, скользя по стене, не плюхнулся на пол.

Папа протянул руку и схватил стул с прямой спинкой. Он тщательно осмотрел его, а потом принялся выламывать поперечные перекладины. Выломав перекладину, он швырял ее в огонь.

Покончив с перекладинами и ножками, мой старик принялся ломать спинку и тоже швырял планки в огонь. Мама не говорила ни слова. Она сидела и все время смотрела на него.

— Пойдем отсюда, Моррис, — сказала Люси. Это было первое, что она сказала с тех пор, как вошла в комнату. Мы с мамой в изумлении поглядели на нее, мой старик тоже скосил на нее глаза,

словно позабыл, что она тут. — Моррис, пойдем отсюда, — сказала она.

Люси напугалась до полусмерти, это сразу было видно. И не удивительно, все на нее глядели, а мама из себя выходила от злости.

— Садись и располагайся как дома, — сказал ей мой старик. — Садись, Люси.

Она взяла стул и села, как ей было велено.

Смешно было глядеть, как она сидит, а мама злится, а мой старик потрошит стулья. Должно быть, я опять фыркнул, потому что мама обернулась в мою сторону, погрозила мне и кивком головы велела накрыться с головой и спать. Но разве я мог уснуть, когда такое творилось в комнате, и мама должна была понимать это. Я только съеживался на четвереньках, как мог, и продолжал смотреть.

— Когда вы доломаете этот стул, Моррис Страуп, будьте любезны дать мне семь долларов на новый, — сказала мама, раскачиваясь в кресле.

— Чушь, Марта, — сказал мой старик. — Чушь! Ни один стул на свете не стоит больше доллара, — ну, много двух.

Тут мама так и взвилась. Она прыгнула к камину, схватила метлу и набросилась на папу. Она колотила его метлой по голове, пока не заметила, что метла от этого портится. Она так растрепала ее, что солома разлетелась по всему полу. Тогда мама повернула метлу другой стороной и стала тыкать в него палкой.

Мой старик вскочил и, спотыкаясь, пошел к чулану, по дороге кинув в огонь остатки стула. Он открыл дверь чулана, забрался туда и что-то сделал с замком, потому что, как мама ни старалась, она никак не могла открыть дверь.

Теперь мама так озлилась, что сама не по-

мнила, что делает. Она присела на краешек постели и поправила волосы.

— Нечего сказать, нашли время дебоширить, Моррис Страуп, — сказала она ему через дверь. — Спрашивается, могу я как следует воспитать ребенка, когда в доме такое творится?

Она даже не дождалась его ответа и тут же набросилась на Люси, ту девушку, которую мой старик с собой привел.

— Можете взять его себе, пожалуйста, — сказала мама, — но только, чтобы духу его тут не было.

— Он говорил, что не женат, — сказала Люси. — Говорил, что холостой.

— Холостой! — завопила мама.

Она опять вся покраснела и бросилась к камину, за кочергой. Кочерга у нас была толстая, железная, фута в три длиной. Она всунула ее в дверную щель и завертела ею из стороны в сторону.

Мой старик взревел и начал бить ногами в стенки чулана. Я никогда еще не слышал подобного гама. А тут еще собаки залаяли, шум поднялся такой, какого я в жизни не слышал. Соседи, должно быть, подумали, что нас режут.

Тут Люси вскочила, вся в слезах.

— Перестаньте, — закричала она маме. — Вы его искалечите!

Мама повернулась и оттолкнула ее локтем.

— Оставьте меня в покое. Я сама знаю, что делаю.

Мне пришлось переползти на другой конец кровати, чтоб ничего не упустить из того, что происходило у дверей чулана. Никогда я не видел, чтобы люди так чудно себя вели. Они обе шипели от злости, но каждая боялась начать первой. Точь-в-точь два петушка, которым охота подраться, а как начать, они не знают. И вот обе они трепы-

хали локтями, стараясь нагнать друг на друга побольше страха.

Для своего роста мама была очень сильна. Наконец она решилась, как ей быть, отбросила кочергу, сгребла Люси и толкнула ее к двери. Люси перелетела через всю комнату и грохнулась на швейную машинку. Она и очнуться не успела, как очутилась в другом конце комнаты, и перепугалась до смерти.

Мама опять схватила кочергу и начала орудовать ею, и вдруг — трах! — дверь распахнулась. Мой старик жался к стенке чулана, путаясь в ворохе маминых платьев, и вид у него был такой, словно его поймали с поличным, когда он запустил руку в кассу бакалейщика. Никогда еще я не видел его таким смущенным.

Мама вытащила его из чулана и опять накинулась на Люси.

— Я вас выкину вон из моего дома, — сказала ей мама. — Будете знать, как путаться с моим мужем! Этого я не потерплю!

Она совсем было сгребла Люси в охапку, но та увернулась. Потом они наскочили друг на друга, — ни дать ни взять два петушка, которые, наконец, набрались храбрости. Они прыгали по всей комнате, хлопая руками, точно крыльями, а полы маминого халата и люсиной юбка разлетались, точно перья. Они вертелись, как заведенные, будто на карусели. Потом вцепились друг другу в волосы. Никогда еще я не слышал такого визга. После темного чулана мой старик долго не мог привыкнуть к свету, и уследить за ними ему было трудно. Он вертел головой и так и сяк, но все-таки, должно быть, многое упустил.

Вертясь волчком, мама и Люси выкатились в прихожую и там опять сцепились. Мой старик, пошатываясь, заковылял по комнате в поисках

нового стула. Он ухватился за первый попавшийся ему под руку. Это была мамина качалка с высокой спинкой, где она обычно сидела с шитьем или когда отдыхала.

Теперь мама и Люси дрались уже на крыльце. Мой старик затворил дверь в прихожую и запер ее на ключ. Эта дверь была тяжелая, прочная, с замком и засовом.

— Уговорами тут не поможешь, — сказал он, садясь на кровать и стаскивая башмаки. — Уж эти мне бабы, особенно когда повздорят. Иной раз...

Он швырнул башмаки под кровать и потушил свет. Потом ощупью добрался до кровати, волоча за собой мамину качалку. Я слышал, как затрещало дерево, когда он взялся за перекладины. Он содрал обшивку, потом стал разламывать сиденье и швырять куски в огонь. Время от времени обломок попадал в облицовку камина, а часто и совсем мимо — в стену.

К этому времени мама и Люси снова переполошили собак. Они, должно быть, дрались теперь во дворе, потому что на крыльце их уже не было слышно.

— Иногда мне кажется, сынок, что господу богу не следовало выпускать на свет больше одной женщины зараз.

Я забрался под одеяло и свернулся калачиком, прижав колени к самому подбородку, в надежде, что теперь-то мой старик останется дома насовсем и больше нигде не уйдет.

Мой старик разломал спинку качалки и наугад швырнул ее в сторону камина. Сперва она ударилась в потолок, потом в облицовку камина. Он принялся доламывать остатки кресла.

Хорошо было лежать в темноте и знать, что он тут, рядом.

ВИЗИТ ДЯДИ НЭДА

Мы с Хэнсомом Брауном пробыли на водяной мельнице мистера Хокинса почти весь день и за час до ужина отправились домой с мешком кукурузной муки. Мама послала нас на мельницу сразу после обеда, дав нам бушель белой кукурузы, которой папа кормил Иду, когда Ида хорошо себя вела, то есть не артачилась посреди улицы и не била копытами в стены конюшни. Пока мы с Хэнсомом ссыпали кукурузу в мешок, мама наказывала нам сразу же возвращаться домой, как только мука будет смолота, потому что она собиралась испечь оладьи к ужину. Мы с Хэнсомом пошли напрямик через пустырь, где разбивали палатки, когда к нам в город приезжал балаган, и всю дорогу спорили о вчерашнем бейзбольном матче между нашей городской командой и пожарниками из Джесопвилла, который прекратился на шестом иннинге, потому что один из пожарников оглушил нашего кэтчера, Льюка Хендерсона, битой. Хэнсом уверял, что Льюк Хендерсон набрал пригоршню пыли, думая, что никто этого не заметит, и запорошил глаза джесопвильскому бэттеру как раз в ту минуту, когда питчер готовился пустить мяч. Я сказал, что пыль нанесло ветром и что Льюк Хендерсон, который служит в бакалейной лавочке «Не скупись», тут вовсе ни при чем. Мы вышли к железнодорожному полотну, все еще продолжая спорить. У сикаморского депо остановился товарный состав Прибрежной линии, но мы им не очень заинтересовались и только посмотрели, сколько вагонов паровоз подал на запасный путь рядом с джинмашиной. Стоя у полотна и глядя на паровоз и вагоны, мы вдруг

увидели какого-то человека, который быстро шел в нашу сторону. Он шагал по полотну, прыгая сразу через две шпалы на третью.

— Давайте-ка отнесем муку вашей маме, — сказал Хэнсом, потянув меня за рукав. — Помните, что она говорила про олады? Слушайте вашу маму.

— Стой. Давай посмотрим, кто это, — ответил я. — Вон он рукой нам машет, чтобы подождали.

— Бродяга какой-нибудь. Возьмет да и стнет у нас мешок. Лучше уж побежим домой, как ваша мама велела.

Хэнсом стал пятиться задом. Он снял с плеча мешок и обеими руками прижал его к животу.

— Послушались бы меня, — сказал Хэнсом. — Вам дело говорят. Сколько я таких бродяг на своем веку перевидал. Одна беда с ними. Я уж чую, что у этого тоже недоброе на уме. Пойдемте лучше домой.

Я не двинулся с места, и через минуту человек подошел к нам. Он так спешил, что совсем запыхался, и сначала все переводил дух, стараясь отдышаться. Лет ему было, наверное, столько же, сколько папе, но двигался он быстрее моего старика, а глаза у него так и бегали по сторонам, точно со страху. На нем был старый комбинезон — одна штанина располосована, — он, должно быть, никак не мог собраться зашить ее. На голове — сдвинутая набекрень коричневая кепка, совсем новая, будто только что из магазина, зато башмаки такие рваные, что пальцы вылезали наружу. Глядя на эти огромные дыры, можно было подумать, что каждый башмак состоит из двух частей. Шею он закутал косынкой в красную и желтую клетку; такие косынки повязывают кондуктора Прибрежной линии, чтобы пепел не сыпался им за шиворот. Лицо у него все обрело

черной щетиной, и она торчала во все стороны, точно колючки на чертополохе.

— Мальчик, — сказал он, пристально глядя на меня. — Ты не сын Морриса Страупа? Тебя не Вильям зовут?

— Да, сэр, — ответил я, удивляясь, откуда он знает мое имя. — Да, сэр, я Вильям.

— А где твой папа? — спросил он. — Что он сейчас делает?

— Па уехал сегодня на ферму, работать, — ответил я. — Обещал вернуться только поздно вечером.

— Я твой дядя Нэд, — сказал он, протянул руку и больно вцепился мне в плечо. — Не узнал меня, сынок?

— Нет, сэр, — сказал я, глядя на его черную щетину и стараясь высвободить плечо из его цепких пальцев.

— Последний раз, когда я к вам приезжал, ты был еще совсем малыш, — сказал он, отпуская меня. — Где тебе помнить дядю Нэда!

— Да, сэр, — ответил я.

Он оглянулся и посмотрел в ту сторону, где был наш дом.

— Ну, а как мама поживает? — спросил он.

— Ничего, — сказал я, стараясь вспомнить его. Папины братья жили в разных местах, и я половины их даже в глаза не видал. Мама говорила, пусть уж папины родственники сидят дома, ей вовсе не интересно принимать их у себя. Дядю Стэта, который то и дело попадал в кандальные команды, я как-то видел, но мама не пустила его в комнаты, и он посидел около часа на ступеньках, а потом встал и ушел, и с тех пор не показывался.

— А это что за образина? — спросил дядя Нэд, мотнув головой в сторону Хэнсома.

— Это наш работник, Хэнсом Браун, — ответил я. — Он помогает нам по дому, когда есть что делать.

— Ручаюсь, что он больше съест, чем зарабатывает, — сказал дядя Нэд. — Верно, парень?

— Я... я... я... — начал Хэнсом, заикаясь, как это всегда с ним бывало со страху. — Я... я...

— Ага! — сказал дядя Нэд. — Что я говорил? Ему соврать, и то лень. Да всю его работу можно пересчитать по крохам и ссыпать в наперсток. Верно, парень?

— Я... я... я... — сказал Хэнсом, пятясь от него.

— Знает, образина, что из-за такой малости и врать не стоит, — сказал дядя Нэд, отходя от нас.

Он сделал несколько шагов и остановился.

— А как пройти к дому, сынок? — спросил он.

— К какому дому? — сказал я.

— Да к вашему, — засмеялся он. — Ты, что же, думаешь, я просто так сюда приехал и даже не зайду навестить папу с мамой?

— Тогда я побегу вперед и предупрежу маму, что вы сейчас придете, — сказал я. — Если маму не предупредить, она, пожалуй, рассердится.

— Нет, не надо, — отрезал он. — Так никакого сюрприза не получится. Самое лучшее явиться сюрпризом, когда тебя никто не ждет. Если она будет знать заранее, пожалуй, начнет готовиться. К чему лишние хлопоты!

Я пошел к дому бок о бок с дядей Нэдом. Хэнсом задержался позади и, видимо, не хотел догонять нас. Мы перешли через полотно железной дороги и свернули на нашу улицу. Когда дом был уже близко, я остановился и стал ждать Хэнсома.

— Хэнсом! — крикнул я. — Иди вперед и отдай маме муку, а потом можешь сказать, что дядя Нэд приехал.

— Муку я миссис Марте отдам, — сказал Хэнсом, обходя дядю Нэда стороной, — а вот как насчет другого, это я не знаю. Вы лучше сами скажите. Миссис Марта может рассердиться, свалит всю вину на меня, а я тут вовсе сбоку припеку. Совсем мне ни к чему страдать за чужие провинности.

— Это еще что за разговоры! — сказал дядя Нэд, нагибаясь и поднимая с земли большой камень. — Ты, черномазый, не смей дерзить! Только пикни, я тебе голову размозжу этим камнем. Слышишь, черномазый?

— Я... я... я... — начал заикаться Хэнсом.

— И перестань заикаться! — сказал дядя Нэд. — Негр, да еще заика! Противнее этого ничего быть не может.

Хэнсом попятился и шмыгнул в калитку на задний двор. Мы подошли к дому, и дядя Нэд сел на ступеньки. Я боялся, как бы он не наскочил на меня так же, как на Хэнсома, если ему не угодишь чем-нибудь, и, не зная, что делать, стоял у самого крыльца.

— Большая у папы ферма? — спросил дядя Нэд.

— Она у нас на холме, — ответил я. — В прошлом году мы посеяли немного кукурузы и земляных орешков и больше ничего. Па говорит — ему некогда этим заниматься. Хэнсом Браун иногда пашет там.

— Страупов никогда не тянуло на землю, — сказал дядя Нэд.

Мы ждали, что будет делать мама. В доме стояла полная тишина, — должно быть, потому,

ссображал я, что Хэнсом все еще не решился выложить ей про дядю Нэда.

— Давненько я не видался с Моррисом, — опять заговорил дядя Нэд. — Да он вряд ли изменился с тех пор. А как мама, сынок, — все такая же?

— Да, все такая же, — ответил я, прислушиваясь, не поднимется ли шум в доме, когда Хэнсом скажет маме про дядю Нэда.

— Вот сижу я здесь вечером, и будто в мире ничего плохого нет — тишь да гладь, — заговорил дядя Нэд сам с собой. — Благодать какая!

Я услышал, как где-то хлопнула дверь, и понял, что мама несется сюда. Тогда я попятился от ступенек, на которых, опершись локтями на колени, сидел дядя Нэд. Не прошло и минуты, как дверь распахнулась и мама выбежала на крыльцо.

— Это вы, Нэд Страуп! — крикнула она.

Дядя Нэд сорвался с места, будто его пырнули сзади вилами. В один прыжок он очутился между мной и крыльцом.

— Стойте, Марта, подождите, — взмолился он, пятась ко мне задом и стараясь сохранить некоторое расстояние между собой и мамой. — Я зашел навестить вас и Морриса. Разве это плохо, если человеку захотелось оказать уважение своей родне?

— Не смейте навязываться мне в родню, Нэд Страуп! — крикнула мама.

— Эх, Марта! Ну стоит ли нам ссориться из-за таких пустяков — родственник, не родственник. Я теперь совсем другой человек. У меня было время пораскинуть мозгами, и вот я понял, что не всегда делал то, что надо. Теперь все пойдет по-новому.

— Вон с моего двора, Нэд Страуп! Я ни одному вашему слову не верю. Закон связал меня с одним Страупом, и хватит! Нет такой власти ни на земле, ни в небесах, которая посадила бы мне на шею еще второго Страупа! Несу свой крест — и довольно с меня!

Дядя Нэд повесил голову и уставился себе под ноги. Он пошевелил мизинцем, выглядывавшим из дыры в башмаке, и долго-долго смотрел на него. Пока он стоял так и шевелил мизинцем, мама не спускала с него глаз.

— Может, вы по доброте своей все-таки не откажетесь накормить меня, прежде чем выгоните вон, — с запинкой проговорил дядя Нэд, исподлобья глядя на маму. — Я, Марта, голодный. Со вчерашнего утра крошки во рту не было. Неужели, Марта, вы пожалеете кусок хлеба и дадите человеку умереть с голоду?

— Когда вас выпустили из тюрьмы? — быстро спросила мама.

— Несколько дней назад, — удивленным голосом ответил дядя Нэд. — А откуда вы знаете, что я опять сидел?

— А где же вам быть, как не в тюрьме! — выпалила мама.

Дядя Нэд опустил голову и опять зашевелил мизинцем. Мама молчала, глядя на него в упор. Потом она подняла руку и провела ею по глазам, думая, что никто этого не заметит.

— Пойдите к кухонной двери, Нэд. Господь бог никогда не укорит меня, что я отказала кому-то в помощи, даже когда этого не следует делать. Мне бы надо позвать шерифа, пускай засадит вас в тюрьму.

Она ушла, заперев за собой дверь, чтобы дядя Нэд не вошел в дом следом за ней. Как только мама скрылась за дверью, дядя Нэд встал и,

обогнув дом, зашагал к заднему двору. Когда мы пришли туда, Хэнсом сидел на ступеньках кухонного крыльца, но стоило только ему завидеть дядю Нэда, как он сорвался с места, бросился в дальний конец двора и залез на поленницу. Я прошел на кухню и стал смотреть, как мама накладывает на тарелку сосиски с горохом. Когда тарелка была наложена верхом, мама передала ее мне и мотнула головой в сторону дяди Нэда, сидевшего на ступеньках.

Я вышел с тарелкой на крыльцо и протянул ее дяде Нэду. Он ничего не сказал и только посмотрел на меня — точь-в-точь, как папа, когда ему хочется что-нибудь сказать мне, но не словами, а взглядом. Пока дядя Нэд ел сосиски с горохом, я отошел в сторонку и сел на землю. Потом мама позвала меня на кухню и дала чашку кофе для дяди Нэда.

Он взял ее, сделал большой глоток и опять взглянул на меня.

— Сынок, — сказал он, — будь настоящим Страупом до конца дней своих. Второй такой семьи во всем мире не сыщешь. Мы, Страупы, не допустим, чтобы нас ставили на одну доску со всей прочей мелюзгой. Люди мы небогатые — есть и побогаче нас, — случается, что попадаем в беду и надо уносить ноги, пока все не уладится. Но если говорить начистоту, второй такой семьи во всей стране не сыщешь.

— Да, сэр, дядя Нэд, — сказал я, а сам подумал, как бы отнеслась к его словам мама, если б она слышала.

— Я, сынок, свое пожил, зря не стану советовать. Ты запомни, что я тебе говорил. Кто сейчас может похвалиться — я, мол, Страуп? Таких людей раз-два и обчелся.

— Хорошо, дядя Нэд, запомню, — сказал я.

Мама подошла к кухонной двери и выглянула во двор. Она стояла там до тех пор, пока дядя Нэд не выскреб тарелку дочиста.

— Вы сыты, Нэд? — спросила мама точно таким голосом, каким она говорила с моим стариком на людях. — Если нет, я подложу еще.

— Это очень любезно с вашей стороны, Марта, — сказал он, поворачиваясь и грустно глядя на нее. — Я вам очень признателен. Что бы со мной ни случилось, Марта, а о вас я всегда буду вспоминать с добрым чувством. Вы отнеслись ко мне, как Страуп к Страупу.

В эту минуту я посмотрел на двор и увидел, как Хэнсом соскочил с поленницы и начал шнырять к сараю. Я все еще удивлялся, что с ним такое, как вдруг из-за угла нашего дома с револьвером в руках вышел шериф Бен Саймонс. Он навел дуло прямо на дядю Нэда.

— Руки вверх, Нэд Страуп! — крикнул Бен. — И не вздумай хвататься за свой револьвер. Попробуй шевельнись, мигом уложу на месте! С такими, кто только и знает, что из тюрьмы бегать, я рисковать не намерен!

Бен медленно подошел к дяде Нэду и рванул у него из-за пояса комбинезона длинноствольный револьвер. Дядя Нэд молчал, подняв руки над головой, и, видимо, не собирался удирать.

— Что это значит, Бен Саймонс? — сказала мама, выходя на крыльцо. — Что вы тут затеяли?

— Миссис Страуп, если Нэд не потрудился вам рассказать, — начал Бен, — так знайте: три дня тому назад он убежал из тюрьмы, и тюремный надзиратель оповестил об этом полицейские власти штата, чтобы его выследили. Я сообразил, что Нэд может зайти к брату, перехватить чего-нибудь и переодеться, и попал в самую точку.

Час назад он прыгнул с товарного поезда. С тех пор я за ним и слежу. Ну, пошли, Нэд.

Не говоря ни слова, дядя Нэд позволил Бену надеть ему наручники и встал со ступенек. Но прежде чем выйти со двора, он оглянулся и посмотрел на меня.

— Сынок, — сказал дядя Нэд, — запомни, что я тебе говорил про Страупов. Нас так много развелось на божьем свете, что, глядишь, какой-нибудь нет-нет да и отобьется от рук. Но всем прочим Страупам это не в укор. Лучше их во всем мире не сыщешь. Будь и ты настоящим Страупом.

— Хорошо, сэр, дядя Нэд, — сказал я, глядя, как он повернул за угол дома в сопровождении Бена Саймонса, крепко державшего его за руку, и скрылся у меня из глаз. — Я запомню, что вы говорили.

13

С ТЕХ ПОР МОЕГО СТАРИКА НЕ УЗНАТЬ

Когда я встал и пришел завтракать, мой старик сидел у плиты, раскачиваясь на стуле, и уписывал горячие лепешки с патокой. Он, по обыкновению, поставил тарелку на плиту, потому что так ему было удобнее не вставая брать лепешки из духовки. Мой старик больше всего на свете любил горячие лепешки с патокой.

Когда я вошел, он сидел, набив полон рот, и сперва ничего не сказал. Но он поглядел на меня и подмигнул.

— Здравствуй, па, — сказал я, очень ему

обрадовавшись. На этот раз он пробыл в отлучке около недели.

Он ничего не ответил, нагнулся, достал еще лепешку, разломил ее пополам, намазал маслом и оставил обе половинки раскрытыми на тарелке. Потом подхватил с пола кувшин и густо полил лепешку патокой.

— Ну, сынок, как твои бицепсы? — спросил он, сжимая пальцами мою руку.

— А вот, гляди, — сказал я.

Он пощупал мои мускулы.

До чего же я ему обрадовался!

Тут вошла мама, поставила на кухонный стол тарелку для меня и положила на нее ломтик бэкона и хлеба с патокой. Подавая мне завтрак, она не сказала ни слова. Потом стала возиться на кухне и громыхать своими горшками и сковородками. Злилась она, словно потревоженная клушка.

Папа сидел, глядя куда-то в стену, и только время от времени посматривал на маму, что она скажет. Мы с папой знали, что когда она в таком настроении, лучше всего подождать, пока она заговорит первая. Если мы пробовали заговорить с ней, пока она не утихомирилась, ничего хорошего из этого не получалось. Папа сидел смирный, словно бродяга, ожидающий подачки.

Я уже кончал завтракать, когда она подошла к плите и стала перед папой, уперев руки в бедра и глядя на него сверху вниз.

— Ну, где же вы на этот раз пропадали, Моррис Страуп? — сказала она. И, быстро подняв руку, откинула сбившиеся на лоб волосы.

— Да как тебе сказать, Марта, — начал папа, слегка уклоняясь в сторону, когда увидел, что она подняла руку. — Собственно говоря, нигде особенно.

— Уйти из дому и шататься бог весть где це-

лую неделю — это, по-вашему, называется, нигде «особенно»? А по-моему, не так. Где же вы были?

— Да что ты, Марта,—сказал он,—я тут неподалеку был.

— А где твой бездельник-петух? — спросила она.

— Да тут... в курятнике, — сказал он.

— Ну, попадись он только мне в руки, — сказала мама, топая ногой, — я ему шею сверну.

Папин бойцовый петух Профессор был чемпионом округа Мерриуззер, штат Джорджия. Он жил у нас уже с полгода, и когда папа первый раз принес его, то сказал, что петух такой умный, будто всем наукам учился. Поэтому папа и назвал его «Профессором». Если бы папа мог возить его на все петушинные бои, этот петух непременно стал бы чемпионом страны. Но у папы нехватало денег на железную дорогу, а своего автомобиля у нас не было. И поэтому он бывал только на тех состязаниях, куда мог добраться пешком. Вот почему мой старик так часто пропадал из дому. Иногда ему приходилось тратить несколько дней на то, чтобы добраться до места, потому что устроители состязаний и владельцы петухов, боясь шерифа, часто перебирались из одного конца округа в другой.

Папа ничего не ответил. Мы прекрасно знали, что заступаться за Профессора — значило подливать масла в огонь. Мама терпеть не могла этого петуха.

— Если вас это не слишком затруднит, — сказала мама,—вы, может быть, сходите к миссис Тэйлор, взять у нее белье в стирку. Конечно, если вам не совестно тащить через весь город чужое грязное белье.

— Как тебе не стыдно, Марта! — сказал мой

старик. — Ты же знаешь, что я всегда рад тебе помочь.

Она подошла к двери и посмотрела, не погас ли огонь под кипяtilьным баком.

— Вильям, — сказала она, повернувшись ко мне, — пойдн и подкннь дров под кипяtilьник.

Я встал и пошел, как мне было велено. Когда я был уже в дверях, она снова обратилась к отцу:

— А когда вы увидите миссис Тэйлор, Моррис Страуп, можете рассказать ей, да и всем жителям Сикаморы, что я гну спину над чужим грязным бельем, а вы в это время слоняетесь по всему штату, обнявшись с вашим никудышним петухом. — Она еще раз смерила папу взглядом. — Так бы и свернула ему шею, да и тебе заодно.

— Да что ты, Марта...

— Одному богу известно, что стало бы со всеми нами, если бы не моя стирка, — сказала мама. — Ты ни одного дня толком не проработал за целые десять лет.

Папа встал и вышел во двор, где я подкладывал дрова под кипяtilьник. Он постоял, глядя на меня.

— Сынок, — сказал он вполголоса, чтобы мама его не услышала, — как бы мне раздобыть пригоршню кукурузы для Профессора?

Папа знал, что я и так все сделаю, и не стал дожидаться ответа. Он вышел в калитку и направился к дому миссис Тэйлор, квартала за три от нас. Когда мама ушла на кухню, я пробрался в курятник, достал из гнезда яйцо и спрятал в карман. Я прекрасно знал, что от меня хочет папа, потому что он всегда посылал меня в бакалейную мистера Брауна, когда ему нужен был корм для петуха.

Я отнес яйцо в лавку и выменял его на пакетик кукурузы, как всегда делал папа, когда мы

ходили вместе с ним. Мистер Браун сказал мне, что, по слухам, папа выиграл вчера три доллара на петушином бое в Нортонвилле, так почему же мы вымениваем яйца на корм, вместо того чтобы расплатиться из тех денег, которые получил папа?

Я сказал, что ничего об этом не знаю, папа мне не говорил, что Профессор дрался в Нортонвилле. Мистер Браун просил меня передать папе, что ему хотелось бы поглядеть Профессора, когда состязание устроят где-нибудь недалеко от Сикаморы. Потом я пошел домой, пряча пакетик с зерном за пазухой, чтобы мама как-нибудь не заметила и не отняла.

Папа уже вернулся с бельем от миссис Тэйлор и пришел ко мне за курятник поглядеть, принес ли я корм. От курятника до места, где мама стирала белье, было шагов полтора, и ей нас не было видно. Но говорить громко мы не решались, чтобы она не услышала.

Папа присел на корточки, держа петуха на коленях, и стал обтирать его мокрой тряпкой. Он потерял в схватке много перьев, и вид у него был заморенный. Правая нога у него была ободрана, шпора сломалась. Папа сказал, что он боится, выдержит ли Профессор до конца со сломанной шпорой, но петух сам понял, что правой ногой ему ничего не сделать, и продолжал драться одной левой. Папа сказал, что это была самая жестокая схватка, с тех пор как Профессор выступает на арене. Теперь он решил дать петуху отдых, пока не заживет нога, потому что не хочет рисковать.

Папа заботливо обтирал петуха и позволил мне помогать, потом дал мне подержать Профессора. Это в первый раз он мне позволил притронуться к своему петуху, и я спросил, не возьмет ли он меня на следующее состязание. Папа ска-

зал, что мне еще надо подрасти, теперь ждать осталось уж недолго.

— Мне от твоей мамы житья не будет, если я поведу тебя сейчас, — сказал он. — Да она с нами обоими бог знает что сделает.

Я держал Профессора на руках, и он сидел спокойно, как будто и уходить не собирался. Красивый петух, с огненным воротником и крыльями и тускло-желтой подкладкой. Гребень у него свисал на правую сторону, словно красная прядка. Я и не подозревал, что он такой маленький. Он был немногим больше курицы среднего роста, но, даже когда он сидел на руках спокойно, чувствовалось, сколько в нем силы и проворства. Папа сказал, что во всей Америке не найдешь второго такого петуха.

Я отдал его папе, и он велел мне натолочь кукурузы. Я достал плоскую железку и камень и стал толочь кукурузу, а папа сгребал ее в руку и с ладони кормил Профессора. Петух клевал, словно это было нивесть какое лакомство, и требовал еще и еще. Я не успевал толочь кукурузу.

Пока мы сидели за курятником, мама была на дворе, стирала и парила белье. В этот день она стирала на миссис Тэйлор, и таких стирок у нее бывало по шесть-семь на неделе. Целыми днями она стирала, а гладила ночью.

Мы долго еще сидели там, любуясь Профессором. В тени за загородкой у него была нарыта кучка пыли, и он зарывался в нее, как в пегину, и крыльями подбивал себе пыль под перья.

Я сказал папе, чтобы он теперь подольше не уходил из дому, потому что мне хотелось, чтобы он оставался с нами и позволял мне толочь кукурузу и кормить Профессора. Папа сказал, что он пока никуда не собирается, хотя бы потому, что Профессору надо было с недельку отдохнуть.

Так мы сидели в тени до самого обеда. Потом мама позвала нас.

Когда мы поели, она велела папе отнести белье миссис Долан. Миссис Долан жила на другом конце города, и конец туда и обратно был порядочный. Я спросил маму, можно ли мне помочь папе отнести белье, и она позволила.

Мы понесли белье сейчас же после обеда, и я надеялся, что мы вернемся засветло и еще успеем поглядеть на Профессора. Но назад мы возвращались поздно. Проходя мимо почты, папа задержался там потолковать кое с кем. Должно быть, мы пробыли там часа два-три, потому что, когда мы вернулись домой, было уже совсем темно. Мама услышала, как мы поднимаемся на переднее крыльцо, вышла к нам и спросила у папы деньги за стирку. Папа отдал ей семьдесят пять центов и спросил, скоро ли ужин. Она сказала, что скоро, и мы уселись на ступеньках.

Хорошо было сидеть с моим стариком на крыльчке, он так часто отлучался из дому, что мне очень редко удавалось побыть с ним. Мой старик раскурил припасенный заранее окурок сигары и попыхивал им в темноте, и дым стлался по крыльцу, и хорошо пахло сигарой и свежим ночным ветерком.

— Вот что, сынок, — сказал он после долгого молчания, — утром, как только позавтракаешь, сбегай опять к бакалейщику. Возьми в курятнике еще одно яйцо и выменяй его на корм. Профессора надо подкормить пораньше, — ты видел, какой он замученный. Его надо хорошенько подкормить, тогда он скорее окрепнет.

— Хорошо, папа, — сказал я, — непременно схожу.

И мы сидели в темноте, думая о Профессоре.

Потом мама позвала нас, и мы вошли и усе-

лись за стол. На ужин было только одно блюдо— большой пирог с курятиной. Он был запечен в глубокой форме, и корка у него была толстая, румяная.

Папа сначала отрезал мне, затем маме, а уж потом взял и себе большую порцию.

Мама была не расположена разговаривать, а папа боялся начинать. Он никогда не затевал с нею разговора, пока не нащупает почвы. Мы сидели за столом и без лишних слов уписывали пирог, пока от него ничего не осталось. Папа откинулся на спинку стула и посмотрел на меня. Видно было, что он очень одобряет мамину стряпню.

Было тихо, как в церкви, когда разойдутся все прихожане.

— Моррис, — сказала мама, аккуратно кладя на тарелку свои нож и вилку, — надеюсь, это послужит тебе уроком.

— Что послужит, Марта? — спросил папа.

Она посмотрела на тарелку, где рядом лежали ее нож и вилка, поправила их, потом взглянула на него в упор.

— Надеюсь, теперь ты никогда в жизни не принесешь в дом бойцового петуха, — сказала она. — Мне пришлось даже на это решиться.

— На что? — сказал мой старик, перегибаясь через стол.

— Я запекла в пирог...

— Профессора?! — сказал папа, слегка отодвигаясь от стола.

Мама кивнула. Лицо у моего старика побелело и руки опустились. Он открыл было рот, чтобы что-то сказать, но не мог выговорить ни звука. Не знаю, как долго все это тянулось, но мне показалось, что прошло полночи, прежде чем кто-нибудь из нас двинулся.

Мама заговорила первая.

— Не хотелось мне этого делать, Мэррис, но ничего другого не оставалось.

— Ведь это же был Профессор, — сказал я. — Зачем же ты...

— Мюлчи, Вильям, — сказала мама, поворачиваясь ко мне.

— Напрасно ты это сделала, Марта, — сказал папа, отпихивая стул и вставая. — Кого другого, только не Профессора. Он был...

Больше мой старик ничего не сказал. Он повернулся и пошел через весь дом к выходной двери.

Я вскочил и побежал следом за ним. На крыльце было как-то особенно темно, и после светлой комнаты я ровно ничего не видел. Я перетрогал все соломенные кресла, но его нигде не было. Сигарный окурок, который он, идя ужинать, оставил на перилах, еще не потух, и от него пахло совсем как от моего старика. Я сбежал по ступенькам и пустился догонять его, пока он еще не скрылся в темноте.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Эрскин Колдуэлл — один из крупнейших современных американских писателей — родился в 1903 году на юге США. Прежде чем стать писателем, он прожил трудную жизнь: служил рабочим на лесопильных заводах, продавцом прохладительных напитков, рабочим в театре, был даже профессиональным футболистом. Многолетние скитания по Америке, среди простого люда, обогатили его ценными впечатлениями, позволили ему близко, на собственном опыте, узнать условия существования социальных низов Америки. Он вошел в литературу как художник-реалист. Излюбленной темой Колдуэлла является жизнь американского юга, суровый и тяжелый быт издольщиков, негров, батраков. Наиболее значительными произведениями Колдуэлла являются — «Табачная дорога», «Американская земля», «Акр господ бога», сборник рассказов «На колени перед восходящим солнцем», роман «Случай в июле». В этих произведениях, нередко проникнутых грубоватым и недобрый юмором, Колдуэлл показал многие стороны американской жизни: разорение фермеров, «власть земли» над сознанием собственника-земледедца, борьбу честных людей за равноправие негров, не очень светлые картины провинциальных нравов. Произведения Колдуэлла отличает большая наблюдательность, верность жизненной правде, рельефность в описании характера героев — простых людей из народа.

В 1941 году Колдуэлл посетил Советский Союз. Плодом его поездки в СССР явились две книги—«На дороге в Смоленск», очерки о первых месяцах Отечественной войны, и повесть «Ночью», о советских партизанах, написанные с большой симпатией к советскому народу и с глубоким восхищением его героизмом. Последним крупным произведением Колдуэлла является его повесть «Мальчик из Джорджии». Книга эта очень своеобразна. На первый взгляд она может показаться не тем, чем является на самом деле.

Она написана как цикл коротких, вполне самостоятельных новелл. Однако это совсем не сборник рассказов: это большая цельная вещь с определенным сюжетом, со своей логикой событий, с тремя основными героями, с развитием отношений между ними.

События, о которых рассказывается во всех тринадцати главах-новеллах, настолько анекдотичны, смешны, что книга кажется собранием семейных анекдотов, и многие страницы ее читаются как чистая юмористика. По существу же «Мальчик из Джорджии» совсем не веселая, даже грустная книга, и ее так же нельзя отнести к юморескам, как, например, и «Устрицы» Чехова, как и некоторые рассказы Шолом Алейхема.

Книга Колдуэлла — повесть о распадающейся семье, рассказанная ребенком.

В этой повести, в сущности, нет ни начала, ни конца. Вся форма книги определяется тем, что рассказчик-ребенок, естественно, не в состоянии заметить, где и когда начался распад, понять причины драмы. Ему не по силам сделать вывод, угадать конец, он даже не может последовательно передать все перипетии семейной драмы — он лишь рассказывает отрывочно о поразивших его воображение событиях, свидетелем и участником которых был он сам.

Конечно, он понимает эти события по-своему, вернее, многого не понимает, многое кажется ему просто смешным, порой он развлекается, следя с почти спортивным интере-

сом за борьбой родителей. Отсюда юмористический, почти анекдотический характер книги.

Три главных героя действуют в книге — полуразоренный, опустившийся фермер из Джорджии, его жена — мещанка, изю всех сил пытающаяся сохранить видимость благополучия, и их сын, мальчик, силой обстоятельств вовлеченный в узкий круг семейной борьбы, где он одновременно и партнер, и болельщик, и судья, и жертва! Взрослые делают все, что в их силах, чтоб погубить свой дом; интересы ребенка поневоле сосредоточены в этом гибнущем доме, где отсутствует почти все, что наполняет жизнь нормального мальчика его лет.

А ведь ребенок здоров и жизнерадостен и полон интереса к жизни. Он юморист по природе, он весел и рад посмеяться. В его мальчишеском сердце живет извечная тяга к приключениям, романтическая жажда новизны и необычного. Ребенку надо кого-то любить, и он любит отца. Отец для него интересный человек, живой и беспокойный, несомненно, одаренный воображением и энергией. Но его энергия и воображение не могут быть использованы, действительность, местная, и в более широком смысле — социальная, не нуждается ни в том, ни в другом, и с течением времени они вырождаются в пустое, жалкое и нелепое прожектерство. Человек становится неисправимым неудачником, окончательно теряет дорогу, почву под ногами, опускается, и читателю ясна полная его неустойчивость — как социальная, так и моральная.

На долю женщины в этой книге достались все тяготы жизни: борьба за существование и житейские заботы, и — одиночество. Невозможность опереться на мужа, который сам нетвердо стоит на земле, рождает постоянную обиду, даже ожесточенность, а бедность и часто женский эгоизм приводят к узости и ограниченности. Это типичная американская пуританка, скучная, сухая и жесткая. С точки зрения здравого смысла она чаще всего бывает права, но ее правота не трогает ее мужа, не радует ее ребенка и не убеждает читателя. Читатель да-

же не жалеет ее, потому что все его симпатии на стороне ее мужа и сына. Ребенку же приходится все труднее и труднее, и у него к концу книги все чаще прорываются невеселые нотки.

«Около полуночи залаяли собаки, и мама встала посмотреть в окошко. Была выюжная ночь... В такую ночь хорошо лежать в кровати под ворохом теплых одеял. В прихожей горела лампа, — мы всегда оставляли одну лампу гореть на всю ночь... На ночь мы не спускали собак с цепи, а то они перекусили бы прохожих... Мой старик так давно не был дома, что мог сойти за чужого...» За этими скупыми словами, в этом по-детски бесхитростном описании уже видны покинутость, тоска и постоянное ожидание. И потом после «взрыва», после жестокой потасовки двух женщин, когда отец «принялся доламывать остатки кресла»:

«Хорошо было лежать в темноте и знать, что он тут, рядом».

В конце концов отец уходит из семьи — и из книги. Ребенок бежит за ним — и на этом кончается семья и кончается книга. В этой последней новелле особенно ярко выразилось своеобразие построения повести Колдуэлла: совершенный анекдот, по внешней фабуле, но за ним душевнораздирающая драма высокого психологического напряжения, с неизбежным, непоправимым концом.

Книгу Колдуэлла читатель начнет читать с легким сердцем, весело вспомянув с детства любимого Марка Твена. Но она заставит его задуматься над судьбой бедных маленьких людей из далекой Джорджии, имеющих все права на счастье — и таких несчастных.

В. СМЕРНОВА

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Как мой старик обзавелся упаковочным прессом. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	3
2. Как проповедник Хаушо упросил нас позвонить в колокол. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	12
3. Хэнсом Браун и чортовы козы. Перев. <i>Ив. Кашкина</i>	21
4. Мой старик и соломенная вдовушка. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	31
5. Что было, когда мама уехала погостить к тете Бесси. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	38
6. Хэнсом Браун и длиннохвостые дятлы. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	48
7. Как Хэнсом Браун убежал от нас. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	55
8. Мой старик и телочка. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	66
9. Свободный день Хэнсома Брауна. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	76
10. Мой старик на политическом посту. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	86
11. Как мой старик вернулся домой. Перев. <i>Ив. Кашкина</i>	96
12. Визит дяди Нэда. Перев. <i>Н. Волжиной</i>	105
13. С тех пор моего старика не узнать. Перев. <i>Ив. Кашкина</i>	114
Послесловие	123

Редактор Н. Дарузес

Подп. к печ. 9/IV 1945 г.

A13081. 4 печ. л. 5,19 уч.-авт. л.

Тираж 10000 Зак. 224.

Филнал тип. изд-ва «Московский большевик»
Москва, Петровка 17.